

Игорь Бобров

**ТОРЖЕСТВУЙ,
РОССИЯ!**

История четвертая

**ЗА НЕСКОЛЬКО
МИНУТ
ДО СМЕРТИ**

2020

Однажды, совершенно случайно, в великой стране под названием Россия оказался магический доллар, доллар исполнения желаний. Путешествуя из рук в руки, он исполняет сокровенные желания своих владельцев, иногда совершенно необычные или даже нелепые. И это полностью изменяет жизнь героев наших историй.

Эта книга не о политике и не о магии. Эта книга о нас с вами. О наших мечтах и желаниях. О том, какими странными они иногда бывают. Кого-то истории из этой книги заставят просто улыбнуться, кто-то будет переживать вместе с героями, а кто-то и задумается. Задумается о том, есть ли у него настоящая мечта. Та, которую мог бы исполнить тот самый магический доллар, доллар исполнения желаний. Ведь без мечты жизнь пустая и скучная.

Все совпадения с реальными событиями и персонажами случайны.

Высокий, еще совсем не старый, но уже абсолютно седой человек в длинном черном пальто с поднятым воротником, перетянутым теплым шерстяным шарфом, неподвижно стоял возле известного на весь мир мемориала на центральной аллее Ширококореченского кладбища города Екатеринбурга. Мемориал, выполненный из серого гранита, черного мрамора и яшмы, поражал своей величественностью и баснословной стоимостью. Семиметровая статуя распятого на кресте Иисуса Христа, четыре одинаковых надгробия с бронзовыми бюстами на мраморных постаментах и факелами вечного огня возле каждого обелиска, широкая, выложенная камнем аллея.

Мемориал действительно был известен на весь мир. Несколько месяцев назад фотографии памятников с историей захороненных здесь людей напечатала британская «Гардиан». После этого свои версии происходивших несколько лет назад в Екатеринбурге событий напечатали еще несколько изданий в разных странах мира. Журналисты наперебой описывали море крови и горы трупов...

На улице был октябрь, снег еще не выпал, но березы, окружавшие могилы, уже сбросили листву и, грустно понутив головы, белели на фоне пасмурного неба. Где-то наверху шумели верхушками высоченные уральские сосны, напевая свою песню о жизни, смерти и вечности...

Седовласый человек достал из кармана пальто небольшую металлическую фляжку с коньяком и маленький стакан. Молча налил, выпил и снова налил.

— Живут же люди, — сказал, указывая на памятники, подошедший к мемориалу кладбищенский бомжик в старой фуфайке, с пропитым серым лицом.

— Жили когда-то, — хрипло поправил его человек. — Да и не люди они были — звери.

— Вы их знали? — спросил подошедший. — Да, впрочем, кто их не знал, — сам и ответил он на свой вопрос.

Человек протянул бомжику стакан с недопитым коньком. Тот одним глотком проглотил коньяк, достал из кармана две конфеты и одну из них протянул незнакомцу. Конфеты явно были из гостинцев, которые по русскому обычаю оставляют посетители кладбища возле могил.

— Закусывать надо всегда, — философски прошепелявил бомжик беззубым ртом.

Человек в длинном пальто действительно когда-то прекрасно знал каждого из похороненных здесь людей. Более того, он также знал, что рядом должна была быть и пятая могила. Его могила. И только чудо, великая случайность спасла его в тот день 26 октября 1992 года, когда киллеры среди бела дня безжалостно из автоматов расстреляли всех четверых.

Посетитель еще раз беззвучно одними губами прочитал имя на одном из надгробий: «Вагин Олег». Несколько лет назад это имя было грозой всего огромного города, это имя, казалось, знали даже дети. Имя лидера самой сильной преступной группировки Екатеринбурга — группы «Центр».

Седовласый человек отпил прямо из фляжки, повернулся и пошел к выходу с кладбища.

— А мне? — догнал его бомжик, протягивая пустой стакан.

Человек отдал ему всю фляжку.

— Выпить за упокой? — жадно схватил подарок бомжик.

— За здоровье, за мое здоровье. Меня зовут Виктор. Виктор Николаевич.

— Понял! — радостно кивнул бомж. В глазах его светилось счастье, теперь у него были и выпивка, и закуска. А главное, у него была жизнь!

У ворот кладбища Виктор Николаевич сел в поджидавшее его такси.

— Ну вот и все... Теперь домой, в Белоснежинск, — сказал он таксисту.

Все полтора часа езды Виктор тихо дремал на заднем сиденье выдавшей лучшие времена «Волги». Только однажды попросил остановиться перед придорожным магазинчиком, где купил бутылку водки, черного хлеба, колбасы и банку соленых огурцов. Таксист помог занести большой кожаный чемодан на третий этаж стандартной панельной пятиэтажки, получил щедрые чаевые и исчез в ночи.

Виктор остался один в небольшой, скромно обставленной двухкомнатной квартирке. Он неторопясь приготовил бутерброды, налил почти полный стакан водки, одним махом выпил. Алкоголь горячей приятной волной накрыл все тело, затуманил голову. Вместе с состоянием опьянения пришли воспоминания. Сколько он не был в этой квартире — лет пять, а может, уже шесть?

«Урал — опорный край державы!» — плакат с этой строчкой из поэмы Твардовского издавна встречал все машины на въезде в небольшой провинциальный городок с красивым названием Белоснежинск. На плакате местный художник изобразил металлурга в каске с защитным козырьком на фоне литейного ковша и строителя рядом с карикатурно маленьким подъемным краном. Этот плакат символизировал два завода, на которых работало большинство жителей городка — «Вторцветмет» и «Уралцемент». Казалось, что заводы

соревнуются между собой, какой из них больше нагадит жителям. Из многочисленных труб валил черный дым, улицы застилала мелкая цементная пыль. Благодаря этим заводам снег в Белоснежинске, вопреки красивому имени городка, был серым, желтым, а иногда даже черным, но никогда — белым.

Так случилось, что дымящий черным дымом металлургический завод построили на южной окраине городка, а пылящий цементный — на северной. И жители всегда безошибочно угадывали погоду на следующий день. Если на улицах воняло гарью, и глаза ел едкий дым, то ветер с юга, и погода будет теплой, а если в воздухе витает мелкая противная цементная пыль, то ветер с севера, и значит, грядет похолодание. Уральские города вообще почти все дымили, пылили или — того хуже — радиоактивно излучали, а потому жители ворчали, задыхались, болели, но жили и продолжали работать на благо развитого социализма.

Виктор Корнев попал в этот маленький провинциальный городок по распределению после Свердловского политехнического.

— Да уж, это не Рио-де-Жанейро и даже не Свердловск, — подумал Виктор, рассматривая покрытый цементной пылью и местами почерневший от дыма плакат с металлургом и строителем. — Но ничего, я здесь долго не задержусь, — надо же где-то начинать.

Молодой, амбициозный, полный задора, Виктор верил в свое большое будущее и меньше, чем директором завода, себя через несколько лет не представлял, а там — в Свердловск или того лучше — в Москву, в министерство.

По уральским меркам, завод «Вторцветмет» небольшой — всего полторы тысячи работающих, но продукцию его знали на многих предприятиях страны.

Сюда со всего Урала машинами и поездами завозили лом цветных металлов. Лом резали, пилили, прессовали, плавил в печах и превращали в алюминиевые или бронзовые чушки. Чушки развозили по другим заводам, где они превращались в разную нужную для страны продукцию.

До директорского кресла вела крутая многолетняя карьерная лестница, но Виктор не унывал.

Активный, боевой, целеустремленный, он довольно быстро прошел путь от простого инженера до заместителя начальника литейного цеха, но вот дальше на его пути встала стена в виде давно и плотно сидящего в своем кресле начальника цеха, которого невозможно было ни сдвинуть, ни обойти. Вне работы жизнь Виктора текла безрадостно и серо. Молодая жена хозяйственностью не отличалась, денег в семье все время не хватало. Выросшая в большом городе, она постоянно корила его за то, что он завез ее в этот богом забытый угол, и она тратит на него здесь свою молодость. Родившаяся дочь часто болела. Виктор, как и все в стране построенного социализма, стоял в длинных серых очередях за куском вареной колбасы или синей тощей курицей, а на праздники получал подарочный пакет с банкой растворимого кофе и пачкой индийского чая.

Из заработанных за многие годы упорного труда материальных благ была у семьи тесная двухкомнатная квартирка в панельке. К ней прилагались белорусская стенка грязно-коричневого цвета, холодильник «Бирюса», телевизор «Горизонт», и все. Так уж устроена была социалистическая система, что хоть ты и работаешь лучше всех и больше всех, но блага из общей кормушки получаешь те же, разве что премию раз в квартал подкинут да талон на импортные сапоги для жены вне очереди, как передовику производства, дадут.

О простом «жигуленке» можно было только мечтать. Очередь на заводе подойдет только лет через пятнадцать, а на рынке машина стоила столько, что с зарплатой Виктора на нее не накопить никогда.

Корнев хотел было перебраться в Свердловск, но его двухкомнатную квартиру в грязном провинциальном городке невозможно было сменить даже на комнатку в коммуналке уральской столицы. Виктор приуныл, начал частенько по-русски выпивать по поводу и без повода. И тянулась бы его серая жизнь так и дальше, но в великой стране победившего социализма случилось непредвиденное. После очередных пышных похорон очень старого и «всенародно любимого» генсека к власти в стране неожиданно пришел молодой Михаил Горбачев. Захотелось новому генсеку реформы в стране провести. Эх! Молодо-зелено! Сидел бы себе тихо и правил бы спокойно, как Брежнев, до самой смерти, но тихо не сиделось.

— Социализм с человеческим лицом! — провозгласил новый лидер.

— А раньше, значит, в стране был социализм со свиным рылом, — определил народ.

— Ускорение и перестройка! — выдал новый курс Горбачев.

— Понятно. Значит, скоро совсем жрать будет нечего, — перевел его слова народ.

И точно, товары и продукты исчезли, а в магазинах остались пустые полки и злые продавщицы.

— Трезвость — норма жизни! — продолжал умничать генсек.

В магазинах пропала главная опора бюджета и подруга всего российского народа в горе и радости — водка.

Потеряв истинно русский антидепрессант и главное лекарство от всех болезней, народ сначала приуныл,

пошумел в длинных очередях, но потом перестроился, наладил производство самогонных аппаратов и успокоился.

— Демократия и гласность! — продолжал гнуть новую линию генсек.

Народу разрешили говорить, что вздумается, и читать запрещенных ранее Солженицына, Набокова и Пастернака. Прочитав книги и послушав по телевизору ожесточенную ругань избранных народных депутатов, народ выдал собственный вердикт происходящему:

— Цепь удлинители на два метра, миску отодвинули на четыре метра, но лаять теперь можно сколько угодно.

— Да здравствует ленинская кооперация! — не унимался генсек и выдал на-гора «Закон о кооперации в СССР».

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, — верно понял линию партии народ, но в кооператоры подаваться не спешил, вспомнив, что НЭП в этой стране уже был и нэпманов потом всех пересажали.

И все бы ничего, — к любым директивам у нас как-нибудь приспособляются, — но заводу сверху выдали план по производству товаров народного потребления и жестко предупредили:

— Не будет товаров — не будет и премий.

Вот тогда и вызвал к себе директор завода молодого, активного Виктора Корнева и сказал:

— Выручай, Витя! Совсем, похоже, у них там, наверху, крыша поехала. Мы всю жизнь одни чушки выпускали, а тут какие-то товары для народа требуют. Будешь у меня заместителем директора по коммерческой деятельности. Кабинетик я тебе уже приготовил, маленький, но свой. Иди и без товаров не возвращайся!

— Какие такие товары для народного потребления? — попробовал возмутиться Виктор. — Я что вам, ночные детские горшки из нашей бронзы отливать буду?

— А что, про горшки мысль хорошая, наши советские дети достойны сидеть на горшках из настоящей бронзы! Пусть там, на Западе, обзавидуются, — полушутя-полусерьезно сказал директор, крепко пожал новому заместителю руку и сам проводил его до двери кабинета.

Виктор сел за пустой стол маленькой комнатки, в которой раньше была кладовка для инструмента уборщиц, и задумался:

— С одной стороны, задача почти невыполнимая. В институте и на заводе его учили плавить металл, превращать отходы в бронзовые или латунные чушки. Где металлические болванки, а где — товары для народа? А с другой стороны, может, это и есть та самая необыкновенная удача? Может, наоборот, карьерная лестница резко рванула вверх? Эх! Лиха беда — начало! Виктор нашел в архиве у парторга тонкую брошюру с громким названием «Закон о кооперации в СССР», внимательно ее прочитал и...

И началась у Корнева новая жизнь. Активный, боевой, хороший организатор, он быстро создал кооператив при заводе, и уже через пару месяцев рабочие в свободное время разливали в изготовленные местными умельцами формы заводские бронзу и латунь, превращая их в походные котелки, ложки, вилки, какие-то значки и пряжки. Не забыл он и про ночные детские горшки. Горшки празднично сияли и удивляли покупателей гордой надписью «Завод „Вторцветмет“ г.Белоснежинск». Пустые магазины продавали все по заоблачным ценам. Кооператив давал невиданную прибыль. Корнев непрерывно расширял производство, радовал директора

выполнением плана по товарам для народа, а себя и рабочих — дополнительными заработками.

Тем временем молодой генсек продолжал эксперименты с социалистической экономикой. Заводу выдали госзаказ, а излишки разрешили продавать по свободным ценам. Да не просто внутри страны, а даже и за рубеж. И не только за рубли, но и за валюту! Валюта!!! В те времена и слово то это произносили с придыханием. За несколько долларов или других иностранных денег можно было схлопотать пару лет тюрьмы. Вся валютная выручка шла исключительно в карман государства и там и оседала. Подавляющее большинство советского народа про валюту слышали, но никогда живьем не видели.

Однако Виктора это не испугало. Внимательно прочитав закон и всевозможные дополнительные инструкции, он оформил необходимые разрешения, получил квоту, лицензию и... продал иностранной фирме пару вагонов бронзы. На полученные доллары он, с разрешения директора, закупил японские холодильники, телевизоры, магнитофоны и даже — о, чудо из чудес! — невиданные ранее в городке настоящие видеомангитофоны. Профсоюзный босс распределил товары между самыми заслуженными работниками, и началась в городке новая жизнь. Посмотреть на невиданные заморские чудеса люди ходили в гости, как в театр или музей. Видео- и аудио - кассеты с записями продавали по бешеным ценам или меняли на дефицитные водку и масло. Особой популярностью пользовались обладатели видеомангитофонов. К ним ходили посмотреть на цветную заграничную жизнь целыми семьями.

Ободренный первым успехом, новый заместитель директора начал оформлять документы на следующую валютную сделку, но однажды утром в его маленьком кабинете появились два крепких парня в спортивных костюмах и кожаных куртках.

— Значит, так, — не здороваясь, сказал один из них — коротко стриженный здоровяк, с огромными кулаками и бычьей шеей. Было видно, что большую часть своей жизни он проводит в каком-нибудь подвале, таская железо, а на поверхность выбирается изредка «на стрелки» «решать дела». В народе таких называли коротко — качки. О том, что парень он не простой и что бабло есть, говорила массивная золотая цепь, надетая поверх спортивной майки.

— Слушай сюда, — мы теперь будем твоей крышей. В кооператив свой примешь нашего человечка и будешь платить ему зарплату — десять процентов от оборота. А все валютные операции завода отныне будут проходить через нашу фирму, — мы сами будем решать, кому и за сколько завод будет продавать свою продукцию, — безапелляционно заявил качок.

— А вы кто? — удивленно спросил Виктор.

— Мы — твоя крыша из Свердловска, из группы «Центр», от Вагина.

— Но мне не нужна крыша, мне и так хорошо.

— Крыша нужна всем, — отрезал качок, — это не обсуждается.

Качок двинулся к окну и поманил Виктора пальцем. Виктор тоже подошел к окну и посмотрел вниз. Во дворе завода стояли две черные «девятки», возле них с угрюмым устрашающим видом бродили человек шесть крепких парней в одинаковых коротких кожаных куртках и спортивных костюмах.

«А ведь на заводе охрана, — интересно, как их пропустили?» — первое, что подумал Виктор.

— Для нас не существует преград, — как будто прочитал его мысли качок. — Вот наш пропуск.

Он достал из внутреннего кармана куртки большой черный пистолет. Виктор плохо разбирался в оружии, но он сразу понял, что пистолет настоящий. Не пугач, не игрушка, а именно настоящий боевой ствол.

— Будешь с нами работать — все будет в порядке. Не будешь — пеняй на себя. Завтра к тебе придет наш смотрящий по вашему городку. Сделаешь все так, как он скажет, — жестко сказал качок, развернулся и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Виктор, как зачарованный, продолжал смотреть через окно во двор. Крепкие парни в черных кожаных куртках быстро, по-военному, прыгнули в свои машины, черные «девятки» резво на большой скорости покатали к заводским воротам. Охранник выскочил из своей будки и услужливо распахнул створки. Машины исчезли в дорожной пыли. Виктор позвонил по внутреннему телефону директору завода и попросил о срочной встрече.

Директор завода уже перешел пенсионный возраст. При всяком удобном и неудобном случае говорил всем, что он устал и пора на пенсию. А однажды даже написал заявление и устроил себе проводы. Послушав на банкете дежурные речи о том, какой он хороший руководитель и как заводу будет тяжело без него, директор отозвал свое заявление и продолжил работу. Первый заместитель директора — претендент на его кресло, — конечно, потом скрипел зубами и корил себя за чересчур хвалебные банкетные речи, но сделать уже ничего не мог.

Выслушав рассказ Корнева, директор рассвирепел:

— Я с детских лет на этом заводе. Я еще в войну на нем работал и никому не позволю устанавливать здесь свои порядки. Я им покажу, кто здесь хозяин!

Директор набрал номер начальника милиции городка. Начальник милиции приехал уже через десять минут. Большой, с необъятным животом грузин, любитель веселых застолий и анекдотов, милицейский полковник, сидел в своем кресле давно, и, казалось, так было всегда. Завод подкармливал местное УВД. То машину за заводской счет отремонтируют, то продуктовые наборы к празднику подкинут. Из валютных закупок полковник получил большой японский двухдверный холодильник и всегда говорил, что это чудо техники стало украшением квартиры и полностью изменило его серую ментовскую жизнь.

— Не допустим! — вторил директору полковник. — Чтоб какие-то бандюги правили у нас бал? Да никогда! Правда, моих сил маловато, — у меня всего два десятка служивых, да два гаишника — и на всех всего шесть табельных пистолетов, но я сейчас в область позвоню, у меня там сват в генералах ходит. Он сразу все решит. Полковник тут же набрал телефон высокопоставленного свата.

После обмена любезностями и выдачи на-гора очередного анекдота полковник вкратце обрисовал ситуацию. То, что говорил в ответ генерал, слышно не было, но лицо у полковника на глазах вытягивалось по мере получения ответа. Положив, наконец, трубку, полковник растерянным голосом сказал:

— Говорит, пусть не выеживаются и платят, а то будет плохо.

Директор завода и полковник несколько секунд молча смотрели друг на друга.

— Я — коммунист! Буду жаловаться в горком партии, нет — в обком буду! — взревел директор.

— Да погоди ты! — осадил его полковник. — Какой, на хрен, обком. Ты телевизор смотришь? Обосралась твоя партия. Армия из Европы бегом бежит. Тут сам генерал МВД сделать ничего не может, а ты — партия, обком...

— КГБ! У нас в городе есть отделение. Самая сильная организация мира. Они должны помочь! — сказал директор и решительно взялся за трубку телефона.

Через полчаса в кабинете директора появился комитетчик. В Белоснежинске их всего было двое — средних лет майор и молодой капитан. Вообще, служба в таком глухом месте считалась ссылкой, и майор терпеливо отсиживал свое и мечтал о переводе в область. По слухам, да и по опыту совместных банкетов, майор любил заложить за воротник и обычно предпочитал делать это за чужой счет.

— Ну вот, а я бегом бежал, — думал у вас междусобойчик, — разочарованно оглядев пустой стол, с порога заявил комитетчик.

Директор завода, не жалея красок, обрисовал ситуацию.

— Ну, а мы здесь каким местом? — спросил майор. — Наше дело — шпионов ловить. Шпионы будут, тогда и обращайтесь. Нам в последнее время даже врагов народа запретили искать. Нет теперь у нас внутренних врагов, так как у нас в стране гласность и демократия.

Дело принимало неожиданный оборот. Директор достал из сейфа бутылку армянского коньяка, лимон и конфеты. Необыкновенное совещание в директорском кабинете продолжалось до позднего вечера. Когда закончилась вторая бутылка коньяка, а на столе появилась третья, захмелевший кэгэбэшник выдал собравшимся полный расклад сил в Свердловске.

— Мы все и про всех знаем, — говорил он слегка заплетающимся языком. — Мне каждый день сводки приходят. Вообще-то они для служебного пользования, но я вам сейчас по великой дружбе все расскажу. Это у нас, в нашем болоте, до сих пор тихо было, а в Свердловске целых четыре организованные преступные группировки работают. Центровые, уралмашевцы, синие и афганцы.

Так называемые синие — это просто уголовники, воры, мелкие бандиты, вымогатели. А синие потому, что все с головы до ног в наколках. Они существовали всегда и особенного ничего собой не представляют.

Дальше — афганцы. В Афганистане повоевали, вернулись, а тут — работы нет, жилья нормального нет, денег нет. Вот они, психованные, обманутые, злые на власть и на весь мир, сбились в кучки — и давай кооператоров и рынки трясти. Тоже большой опасности не представляют.

Уралмашевцы — парни с окраины города. Конкретные отморозки. Преступная группа недавно организовалась, их пока мало, и работают в основном в своем районе.

Ну и, наконец, центровые. Самая мощная на сегодняшний день организованная преступная группировка. Занимались в основном рэкетом кооператоров, но в последнее время легализовались и полезли на заводы. Подминают под себя торговлю цветными и редкоземельными металлами. Особенно, конечно, интересуются валютой.

По нашим сведениям, они сговорились с властью и сегодня это — настоящая мафия. Центровые хорошо вооружены и организованы. Командует ими некто Олег Вагин. Бывший боксер и катала. Личность сильная, умеет подчинять себе людей. Отличается необыкновенной жестокостью. Все группировки враждуют между собой за

сферы влияния. По сводкам комитета, каждый день в Свердловске стреляют, убивают, калечат...

— Так чего же вы ждете? — возмутился директор завода. — Давить их всех надо! Давить! Или у нас уже в стране нет советской власти?

— Так это разве власть? Европу слили. В стране бардак. Спекулянты в законе! Кооператоры, мать их! Сталина на них нет, — уже привычно возмутился милицейский полковник-грузин.

— Ты кооператоров не трожь! — вставил свое слово Корнев. — Мы товары для народа выпускаем. Народу котелки и ложки нужны! А то с вашей властью уже жрать стало нечего и нечем!

— Хватит! Хотите ругаться — идите в депутаты и там с трибуны орите, — обрубил всех комитетчик. — Что-делать-то?

— Создать народную дружину и взять под охрану завод, — предложил директор.

— Не пойдет. У всех дети, жены. Эти отморозки из центровых на все способны. Только людей подставим, — резонно заметил комитетчик. Майор КГБ даже после изрядной дозы коньяка сохранял трезвость ума. Сказывалась многолетняя тренировка.

— Значит, придется договариваться и платить, — грустно сказал Виктор. — Кооператив выдержит. Рентабельность у меня за тысячу процентов зашкаливает. А с валютой, я думаю, как-нибудь договоримся. Тем более что, похоже, накрылся наш экспорт. Мы в этом месяце даже госзаказ не выполняем. Сырья нет. Заводы лом перестали отгружать.

— Горе мне! На пенсию! На пенсию! — картинно, уже по привычке, вскричал директор.

«Давно пора», — подумал Корнев, но вслух сказал: — Завтра ко мне от них должен прийти смотрящий по нашему городу. Я вам все потом расскажу.

— Ну вот и решили, — подвел итог комитетчик, долил в свой стакан остатки коньяка из бутылки, не дожидаясь остальных, опрокинул его в рот, зажевал лимончиком и, слегка покачиваясь, пошел к выходу.

— Ты прости меня, сынок, — видишь, как все в стране обернулось, ничем тебе помочь не могу, — виновато сказал милицейский полковник. — Ну, уж если совсем плохо будет — звони. У меня дача в лесу на озере есть. Там и отсижусь.

Молодцеватый полковник за время разговора как-то сник, и, казалось, даже уменьшился в размерах.

— Все будет хорошо. Им же деньги нужны, а не трупы. Договоримся, — успокаивал себя Виктор дома. В голове шумел коньяк. Жена уютно суетилась на кухне. В кармане пиджака лежала толстая пачка заработанных кооперативом всего за один день денег. Жизнь продолжалась.

На следующий день после обеда появился у него в кабинете так называемый смотрящий от центровых по Белоснежинску. Мужик лет сорока, небольшого роста, тощий, с угрюмыми злыми глазами.

— Камень я, Николай Камнев, может, слышал, — сказал мужик и протянул Виктору паспорт.

— Нет, не слышал. А паспорт зачем?

— Как зачем? На работу к себе в кооператив устроишь, будешь мне зарплату платить. Десять процентов от выручки. И смотри, не жульничай. Через месяц наши к тебе проверку пришлют. Если узнаем, что бабки крысишь, — хана тебе и твоему кооперативу.

— Это я уже понял, — сказал Виктор, — будешь у меня заместителем председателя.

— Да мне плевать, хоть сторожем, мне бабки вовремя давай, — оборвал его Камень и ушел не прощаясь.

— Ни тебе здравствуйте, ни тебе до свидания. Видимо, это у них фирменная манера общения, — подумал Корнев, проводив взглядом из окна тощую фигуру смотрящего. Он позвонил милицейскому полковнику.

— Знаем такого. Из уголовников. Отсидел за грабеж, недавно вышел. Раньше под ворами был, а теперь, значит, с центровыми связался, могу прислать досье, — сказал полковник.

— И на хрена мне его досье, — все знаешь, а почему не посадишь? — зло спросил Виктор.

— Так не за что. Он теперь кооператор, в пяти кооперативах уже числится. Вот и у тебя работать будет. Все официально, по закону, — вздохнул полковник.

Через несколько дней из Свердловска приехал представитель внешнеторговой фирмы центровых. Завод заключил с ним договор. Теперь все, что будет производить завод свыше госзаказа, продавать надо через эту фирму.

— Раньше государство всю валюту забирало, а теперь бандиты, — вздохнул директор, подписывая договор, и опять привычно пригрозил уйти на пенсию.

Жизнь потекла своим чередом. Завод отгружал продукцию по госзаказу за государственную цену, все, что удавалось произвести выше госзаказа, забирала фирма центровых. Фирма платила в два раза больше, чем государство, но рублями. Куда потом отправляли металл, Виктор не знал.

Кооператив успешно работал. Ложки, вилки и всякие безделушки уходили влет. Особым спросом пользовались бронзовые горшки. Виктор даже поставил один у себя на полке в кабинете и с гордостью показывал его посетителям. Камень регулярно получал свою долю.

В ведомости больше его зарплаты значились только цифры в графе «Итого». Через несколько месяцев он уже приезжал на завод на новеньких «Жигулях».

— Растет благосостояние советского народа, — с иронией думал Виктор, разглядывая новенькую машину смотрящего.

Как-то в выходной Корневу пришлось самому занести ему деньги. Называемый новомодным словом офис смотрящего располагался в кирпичной пристройке при входе на местный рынок. Рынок в городке представлял собой три ряда деревянных ларьков, где торговали попеременно продуктами и кооперативными шмотками.

Внутри офис скорее был похож на какой-то восточный шатер. Камень в цветном халате возлежал на мягких бордовых подушках. Низкий столик перед ним был заставлен тарелками с восточными сладостями. В центре стола стояла большая хрустальная ваза с фруктами и виноградом. Молоденькая девушка в коротенькой атласной маечке и шелковых шароварах подливала хозяину чай из бронзового чайника с кривым тонким носом. На стенах висели ковры с восточными орнаментами, по углам красовались разноцветные вазы и лежали подушки для сидения. Нормальных стульев не было вообще. Впечатление было такое, что в этот вагончик стащили все восточное, что нашлось во всем городке. Причем без разбора. Здесь были вещи и из Туркмении, и из Грузии, и из Армении. Хозяин явно не понимал разницы.

— Это ж надо такой нелепый китч наворотить, — подумал Виктор.

Камень забрал деньги, черкнул закорючку в ведомости и благосклонно указал на гостевые подушки в углу комнаты.

— Посиди, посмотри, как работать надо. У меня как раз сейчас часы приема.

Перед входом уже скопилась очередь ходоков. Первой зашла толстая тетка в новомодной лисьей шубе и меховой шапке. Шуба еще больше увеличивала ее в размере, и тетка с трудом боком протиснулась в узкие двери офиса. Виктор узнал ее. Она работала заведующей в заводской столовой.

— Здравсьте вам, — с порога сказала тетка.

— Салам алейкум, — ответил Камень.

— Чаво? — тетка явно не понимала восточных наворотов хозяина.

— Нету салями, и уже давно нету, — вдруг сказала она. — Вот ветчина есть, и масло, и шпроты. Тетка начала выкладывать на столик какие-то свертки и банки.

— Убери пока и садись, — остановил ее Камень.

Тетка расстегнула свою шубу и, кряхтя, уселась на подушки. Было видно, что сидеть ей явно неудобно.

— Зачем пришла? — спросил Камень

— Так вот, ларек хочу на рынке открыть кооперативный. Продуктами буду торговать по коммерческим ценам. Сейчас это разрешено законом.

— А где товар будешь брать? Ведь в магазинах и на базе шаром покати. Даже картошка по талонам в последнее время, — сказал Камень.

— Есть у меня связи в Свердловске. Там кум на базе работает. Он мне продукты и будет для продажи давать.

— Ладно, — кивнул Камень, — ставь свой ларек. Будешь за аренду платить и еще двадцать процентов мне за крышу.

— Смилуйся, батюшка. Ведь все кооперативы тебе десять процентов платят, я знаю, — запричитала тетка.

— Так они работают, товары производят, а ты спекуляцией заниматься собралась. Ведь продукты эти по

государственным ценам твой кум получает, а ты будешь по коммерческим толкать. Раз в десять дороже. А еще из столовой тянуть будешь. Я ведь знаю, где и кем ты работаешь. И не вздумай в другом месте ларек открыть. Спалю вместе с товаром.

— Что ты, батюшка! Разве ж я не знаю!

— И не батюшка я тебе, а хозяин. Запомни и передай всем — в этом городе я хозяин! — закончил разговор Камень.

Тетка, вздыхая и кряхтя, поднялась с подушек и с трудом протиснулась в двери.

— Вот она, социальная справедливость по-новому. Работаешь — десять процентов, спекулируешь — двадцать, — подумал Виктор.

Следующими были два мужика. Один тощий, весь в наколках, с наглыми злыми глазами. То, что его звать Вася, становилось понятно сразу по наколкам на пальцах правой руки, а то, что у него подруга Надя, говорила наколка на левой руке. На его теле наверняка можно было прочесть еще много всего интересного, но раздеваться он не собирался. Второй, здоровенный краснолицый мужик в белом полушубке, стоял, набычившись, крепко сжав огромные кулаки. Он мог запросто прибить и тощего зека, и Камня в придачу, но здесь все решала не сила, а власть.

Тощий сразу перешел к делу:

— Я тут с зоны откинулся, пятеру по чесноку отмотал от звонка до звонка. На хату свою захожу, а там этот уже пристроился. С бабой моей сговорился, меня выписали и в моей хатке живут. А мне, честному зеку, кости кинуть негде.

— Не мельтеши. Базарь потише, — остановил его Камень.

— Так я тоже все по-честному, — оправдывался здоровенный мужик. — Она меня сама привела. То, что

муж в тюрьме, я и не знал. Поженились, честь по чести. Живем уже третий год. Сейчас она говорит, что все по закону сделала. С прежним мужем развелась и из квартиры его выписала. Мне жить тоже негде.

Камень почесал затылок и глубокомысленно сказал:

— Законы эти нам не указ. Они ментами погаными писаны. Правильному пацану жить негде, а потому его к себе пропишешь и хату на две разменяешь. И не вздумай куда жаловаться. Власть нынче наша. Мы тут и суд, и прокуратура, и ментовка.

— Да это я знаю, — грустно сказал здоровяк. После слов Камня он как-то сник и даже, казалось, уменьшился в размере. Здоровяк махнул рукой и пошел к выходу.

— Спасибочки, братан, — поклонился тощий.

— Спасибочки не катит. Отслужишь. Отныне в охране рынка работать будешь, — отрезал Камень.

«Это, наверняка, самый короткий в мире суд, — подумал Виктор. — И никаких тебе апелляций и кассаций».

— Вот так работать надо! Учись, пока я жив! — закончил «прием граждан» Камень.

Сразу с рынка Виктор пошел к милицейскому полковнику. Полковник мирно попивал чаек с баранками. Однако по красному разгоряченному лицу было понятно, что чай сегодня — не единственный его напиток. Большой грузин-полковник радостно принял гостя. На столе появилась большая бутылка с желтоватой жидкостью, колбаска, домашний сыр и белый, домашней выпечки, хлеб.

— Друзья из Грузии приехали. Мандарины на продажу привезли и вот угостили. Все свое, домашнее, — улыбался гостеприимный полковник.

В бутылке оказалась настоящая виноградная чача. После второго длинного кавказского тоста Виктор рассказал о своем посещении офиса смотрящего.

— Знаю я все, — поморщился милицейский полковник. — Это он после зоны на Востоке помешался. Есть такой авторитетный вор в законе — Дед Хасан. По национальности то ли азер, то ли курд. С ним наш Камень в одной зоне сидел. Тот его в наш город смотрящим от центровых и пристроил. Говорят, Дед Хасан скоро освободиться должен, так наш Камень, видно, его в гости ждет. Все восточное без разбора скупает и вроде даже мечеть в городе строить собирается. А то, что он и власть, и суд, и прокуратура, так ведь так оно и есть. Горком, исполком давно ничего не решают. У них ни денег, ни власти. Мне иногда кажется, что вся страна у нас уже не по законам, а по понятиям живет. Кругом одни стрелки, разборки, базары. Наше дело — чтобы тихо было и не стреляли. Он нас не трогает, мы его не трогаем.

— Свято место пусто не бывает, — пробормотал Виктор, а про себя подытожил: «Слишком слабая власть, и вот результат — всем в стране теперь правят бандиты».

До Нового года Камень не дожил. Неожиданная проверка выявила, что он часть собранных «за крышу» денег прикарманил. На суд «крысы» приехали две черные «девятки». Камень сразу все понял и пытался бежать. Пуля настигла его на выходе из рынка. Труп братки кинули в машину и увезли с собой.

В городе появился новый смотрящий. Ковры и восточную дребедень распродали. В офисе повесили огромную шкуру медведя, по углам стояли чучела волков. «Охотник» тоже правил недолго. Месяца через три его вызвали на отчет в центральный офис. Обрато он не вернулся. В городе говорили, что его закатали в бетон. Искать его никто не стал. Вместо него прибыл новый, и

тоже злой, с наглой бандитской рожей. Его зарезал свой же дружбан в пьяной драке. Смотрящие менялись. Правила сохранялись. Кооператоры и продавцы платили дань. С несогласными жестоко расправлялись. Все проблемы решались на сходках и стрелках.

Прошло несколько месяцев. Корневский кооператив наращивал производство. Большую часть продукции поглощал миллионный Свердловск. А вот на заводе дела шли все хуже и хуже. С Нового года Госплан перевел предприятия страны на новую систему работы. Заводам выдали повышенный госзаказ, про все остальное забыли. Собирать лом цветных металлов стало невыгодно. Проще было бросить его на заводском дворе и забыть. Завод был на грани остановки. Рабочие оставались без зарплаты. Продавать за валюту стало нечего.

Как-то после обеда в маленьком кабинете Виктора появился уже знакомый ему качок от центровых.

— Где бронза и латунь? — как всегда, не здороваясь, спросил он.

— Нет сырья, завод на грани остановки, я послал вам подробный отчет, — ответил Виктор.

— Одевайся, поехали, — жестко сказал качок.

— Я не могу, у меня сегодня совещание у директора.

— Ты что, глухой? Я сказал — поехали.

Виктор посмотрел в его пустые глаза, все понял и молча надел куртку.

Во дворе завода ждала черная «девятка». До Свердловска ехали молча. Виктора посадили на заднее сиденье, с двух сторон сели крепкие парни из сопровождения.

«Как под арестом везут, — думал Виктор, — никуда не рыпнешься».

Машина подъехала к самому известному, построенному в центре города развлекательному комплексу «Космос». Виктора провели в торец здания, где перед входом висела скромная вывеска «Общественное политическое объединение «Глобус»». После тщательного обыска его пропустили в большой кабинет с массивным дубовым столом. Окна кабинета были задернуты плотными тяжелыми шторами. Кроме стола, в кабинете стояли несколько стульев, и все. За столом сидел молодой человек лет тридцати, в дорогом костюме и черном тонком джемпере вместо рубашки.

Глаза! У хозяина кабинета были совершенно стеклянные, нечеловеческие глаза. Было сразу понятно, что их обладатель ради достижения своей цели готов на все. Такие глаза невозможно забыть, от них невозможно убежать. Виктор понял, что перед ним сам лидер «центровых» Олег Вагин. Хозяин кабинета без слов указал Виктору на стул.

— Какие проблемы, почему нет металла? — не здороваясь, спросил Вагин.

— Нет сырья. Заводы перестали отгружать лом. Им это невыгодно, — слегка запинаясь от напряжения, ответил Виктор.

— Дайте список поставщиков. Лом будет, — ровным голосом сказал Вагин.

— Завод все равно не сможет отдавать вам металл, как прежде, у нас вырос госзаказ, — предупредил Виктор.

— Это ваши проблемы. Мне нужен металл. У меня валютный контракт.

— Есть один выход. Если лом будет поставлять ваша фирма, то она может взять в аренду один из плавильных цехов, тогда вся конечная продукция будет принадлежать ей, — неуверенно предложил Виктор.

Вагин внимательно посмотрел на Виктора. Впервые за все время разговора в его стеклянных глазах мелькнул хоть какой-то интерес.

— Правда, есть проблема, — поспешил продолжить Виктор, — наш директор никогда не пойдет на это.

— Директора мы сменим, это-то как раз не проблема, — сказал Вагин. — Готовьте договор, я подпишу.

Виктор понял, что разговор закончен. Он встал и молча пошел к выходу.

Уже на следующий день в кабинете у Виктора появился вполне интеллигентного вида человек в очках, с дорогим кожаным портфелем.

— Здравствуйте. Я юрист фирмы «Глобус», — представился он.

«Этот даже умеет здороваться, а я считал, что в их кругах это не принято», — подумал Виктор.

Договор готовили часа три. Виктор отчаянно торговался. В конечном итоге фирма «Глобус» обязалась платить заводу весьма приличную арендную плату, зарплату всем работникам цеха и брала на себя поставку лома. Взамен получала готовые чушки. Казалось, все прозрачно и вполне соответствовало закону, но у директора завода договор вызвал шок. Директор со свирепым лицом бегал по кабинету и кричал так, что пожилая, выдавшая на своем веку многое секретарша бегом принесла ему целый стакан валерьянки.

— Отдать бандитам целых цех! Никогда! Я не позволю!

— Но ведь цех все равно стоит. Нет сырья, у рабочих нет зарплаты, — пытался переубедить его Виктор.

— Уволю! — кричал директор. Он уже забыл про свои уже привычные угрозы уйти на пенсию.

Человек с портфелем уехал ни с чем.

Через три дня директор завода вызвал к себе Виктора. Вид у него был крайне растерянный. Перед ним на столе

лежал министерский приказ о его увольнении в связи с преклонным возрастом и несоответствием занимаемой должности. Директором назначался совершенно никому не известный человек.

— Это они, твои знакомые бандиты, — потерянно сказал директор. — Сделай что-нибудь. Поговори с ними. Я не хочу на пенсию.

— Поздно, — пожал плечами Виктор, — я вас предупреждал.

Новым директором оказался все тот же юрист с кожаным портфелем. Подписав договор аренды и издав приказ об исполнении Виктором Николаевичем Корневым обязанностей директора, он уехал, даже не заглянув в цеха завода. Как плавится металл, ему было совершенно не интересно.

Так Виктор Корнев неожиданно для себя оказался в директорском кресле. Свалившаяся власть не радовала. Завод на грани полной остановки, строительство жилья давно остановлено, денег нет даже на зарплату. Кроме того, у Виктора сразу появилось много врагов. Прежние друзья, которые и так в последнее время косо смотрели на него из-за его кооперативной деятельности, превратились в лютых недругов. Человеческая зависть черным вороном кружила вокруг его головы.

Большая часть управленцев откровенно саботировали работу выскочки — нового директора. Из министерства каждый день звонили и требовали исполнения госзаказа. Заместитель директора по социальным вопросам, который раньше сам метил на место директора, вообще перестал работать и просто всех направлял к директору. В кабинет к Виктору беспрерывно рвались ходяко-просители. Все наперебой что-то просили, требовали, умоляли и даже угрожали.

Корнев поставил у кабинета охрану и велел никого не пускать. Тогда просители стали дожидаться его у выхода или ловить на улицах города. При этом они трясли медицинскими справками, решениями суда и указаниями прокуратуры. Особенно лютовал парторг завода. Он почти каждый день собирал партактив и клеймил директора позором, называл его бандитским наймитом и прихвостнем мирового империализма, выносил злобные решения, которые потом вывешивал на доске объявлений завода. Виктор почти не выходил с завода, спал урывками, резко похудел и осунулся.

— Вот я и директор! Сбылась мечта идиота! — перефразировал он слова любимого литературного героя. Он уже отчаялся и хотел вообще уйти с работы, но вдруг на завод со всех сторон начало поступать сырье. Неизвестно, как это удалось центровым, но вагоны и машины везли лом цветных металлов со всех сторон. Как по команде, успокоилось министерство, хотя завод отдавал государству только половину плановой продукции, остальное забирала фирма центровых. Рабочие начали получать двойную зарплату: одну от завода, деньги для второй наличкой в бумажных мешках из-под картошки каждый месяц привозили центровые.

Прошло несколько месяцев. Из-за крайне неудачных реформ в стране многие уральские заводы оказались на грани остановки. На их фоне «Вторцветмет» выглядел островком благополучия. Набравшись смелости, Корнев в один день уволил сразу пятерых самых злобных своих противников, закрыл на замок кабинет парторга и велел не пускать его на завод. Несмотря на то, что КПСС к тому времени уже потеряла свою былую неограниченную власть в стране, это решение вызвало шок в горькоме

партии. Сам первый секретарь горкома звонил Виктору и кричал в трубку, что его уволит.

— Я и сам уйду, вы только с Вагиным согласуйте, — нагло ответил Виктор. Больше звонков из горкома не поступало.

Мешки с деньгами иногда привозили к Виктору домой. На них всегда стояла точная сумма, написанная шариковой ручкой. Курьер никогда не требовал никаких расписок, просто заносил мешки, и все. Виктор потом сам отдавал мешки в бухгалтерию, где деньги пересчитывали и через кассу платили рабочим по ведомостям. Не было ни одного раза, чтобы сумма, указанная ручкой, не совпадала с содержимым мешка. Виктор сам составлял отчеты и отправлял в Свердловск. Деньги давно перестали его интересовать. Все, что можно было купить в то время за деньги, он уже купил. В гараже пылился новенький «жигуленок». Валюту приобрести было невозможно, она продолжала оставаться вне закона, квартиры не продавались. В стране тотального дефицита деньги просто некуда было девать.

Казалось, жизнь кое-как наладилась, но однажды после обеда в его кабинет без стука вошли двое крепких парней в коротких кожаных куртках и спортивных костюмах.

— Мы с Уралмаша, от Цыганова, — не здороваясь, сообщил один из них, — мордатый, обритый под ноль «шкаф». — Теперь платить будете нам. Этот завод и весь город теперь будет под нашей крышей.

— Вы уж как-нибудь там сами сначала разберитесь, — осторожно предложил Виктор. — А то вас много. А завод-то один.

— Это не твое дело. Без тебя разберемся!

«Шкаф» подозвал Виктора к окну. Во дворе стояли три черные «девятки». Вокруг них с угрожающим видом

бродили такие же здоровенные парни в черных кожаных куртках и спортивных костюмах.

«Все как тогда, даже куртки одинаковые, — подумал Виктор. — И как они друг друга различают?»

— Ты пока весь металл со склада грузи на машины и отправляй на «Уралмаш». Вот адрес. У тебя ровно два часа. Если через два часа не отправишь, мы тебя здесь и похороним. Время пошло! — «Шкаф» для убедительности достал из кармана пистолет и добавил:

— Я сам лично тебе пулю в лоб всажу.

— И ствол такой же, как у качка, клонируют этих бандитов где-то, что ли, — подумал Виктор.

«Шкаф» ушел. Две «девятки» рванули с места и скрылись за воротами. Одна осталась.

Первая мысль была — бежать. Виктор выскочил из кабинета. Прямо на него смотрело черное дуло пистолета: в приемной вместо секретарши сидел бандит.

— Назад! Тебе приказано металл отправлять, а не бегать!

Виктор позвонил милицейскому полковнику.

— Знаю я все, — сходу сказал полковник. — Их тут человек пятьдесят понаехало. Нового смотрящего от центровых застрелили прямо в офисе. Охрану на рынке разогнали. Сейчас на цементном заводе разбираются. Я своих парней убрал от греха подальше.

— Ты в КГБ позвони, пусть майор войска вызывает, — предложил Виктор

— Звонил уже. Жена говорит — он в погреб с пистолетом залез и оттуда не выходит. Напился и грозитя всех пострелять, кто сунется.

Виктор несколько минут подумал и набрал личный номер Вагина. Лидер центровых молча выслушал короткий доклад Виктора.

— Я все понял. Люди будут. На завод никого не пускать. За металл ответишь головой, — отрезал Вагин и положил трубку.

«И как не пускать? У них стволы, а у моих охранников-пенсионеров только дети и внуки, — размышлял Виктор. — Не отдавать металл — эти грохнут. Отдать — другие. Во попал, по полной!»

Он достал из стола бутылку коньяка и залпом выпил почти полный стакан. Спасительное опьянение не приходило. Коньяк не действовал. Второй стакан ударил в голову, но расслабления не принес. Виктор сел за стол и обхватил руками голову. Как-то не так представлял он себе свое будущее. Дома — жена, дочь. Он вспомнил нечеловеческие стеклянные глаза Вагина — этот не пожалеет никого!

«Я заварил эту кашу, мне и отвечать», — решил он, позвонил начальнику охраны и в транспортный цех, приказал закрыть наглухо ворота и всех отпустить домой.

Большие деревянные напольные часы в директорском кабинете неумолимо отмеряли время. Отпущенные «шкафом» два часа подходили к концу. С минуты на минуту бандиты из машины поймут, что он не выполнил приказ, и тогда — все. То, что уралмашевские бандиты выполняют свое обещание, можно было не сомневаться. Ведь застрелили же они смотрящего от центровых прямо в офисе. Страх не было, была какая-то внутренняя пустота и отчаяние.

В чувство его привел странный грохот с улицы. Виктор подскочил к окну. Сорванные от удара с петель заводские металлические ворота лежали на земле. Прямо по ним на заводской двор медленно въезжала настоящая армейская боевая машина пехоты. Она увеличила скорость и сходу ударила в зад черной бандитской «девятки». Из автомобиля выскочили парни в кожаных

куртках и, как тараканы, бросились врассыпную. Из БМП вылезли два человека с автоматами и спокойно выпустили несколько очередей по уже пустой машине. Во двор въехала черная иномарка. Из нее неторопливо вышел уже знакомый Виктору «качок» от центровых и поднялся в кабинет директора.

— Металл цел? — как всегда, не здороваясь, спросил качок.

— Цел, — коротко ответил Виктор.

— Хорошо, — кивнул качок, — БМП пока заберу, надо порядок в городе навести. Тебе парочку бойцов для охраны оставлю. Это — тебе от шефа, — сказал он и положил на стол большой черный пистолет. — Если что, не стесняйся, но помни: если напортачишь, последняя пуля в обойме — твоя.

Качок исчез не прощаясь. БМП развернулся и, выхлопнув сизым дымом, укатил в город. У ворот в сторожке охраны остались два бойца с автоматами.

«Коза Ностра» отдыхает, — подумал Виктор. — Это вам не Сицилия паршивая, а Россия! Бандиты на БМП с автоматами разъезжают. Так они скоро на боевых вертолетах летать начнут».

Он даже подошел к окну и посмотрел в синее безоблачное небо. Вертолетов пока не было... Солнце безмятежно клонилось к закату. Привычно дымили трубы завода. Рабочие продолжали плавить металл, они и не подозревали, что их директора только что чуть не грохнули за эти проклятые чушки. В какой-то момент Виктору захотелось обратно в цех, плавить металл, давать план и больше ни о чем не думать.

Качок появился часа через два.

— Все, — сказал он, — человек пять подстрелили, остальные разбежались. Больше не сунутся. Нашего

смотрящего они грохнули. Смотрящим по городу теперь будешь ты.

— Нет! Я не могу! — в глазах у Виктора был неподдельный ужас.

— Ты не ссы. Ты же умный. Ты дольше проживешь.

Это «дольше проживешь» как-то не радовало.

— На мне завод и металл, — попытался отговориться Виктор.

— Это решение Вагина, оно не обсуждается. На заводе оставишь зама, завтра примешь дела смотрящего. С повышением тебя! — язвительно, с издевкой, сказал качок, налил в стакан остатки коньяка, залпом выпил и ушел. Виктор остался один.

«Вот теперь точно все! Смотрящие долго не живут. Или свои грохнут, или чужие», — с тоской думал Виктор. В этот вечер он в одиночку надрался вдрызг. Так и ночевал в директорском кабинете. Утром вызвал к себе своего давнего приятеля, подписал приказ о его назначении исполняющим обязанности директором завода и ушел «принимать город».

В офисе смотрящего пахло смертью, страхом и ненавистью. Для Виктора Корнева началась новая — другая жизнь. К его удивлению, система была отлажена до него. Деньги народ нес покорно и без лишнего напоминания. В списке значился даже милицейский полковник-грузин. В положенное время он принес тугой сверток с деньгами и, как бы оправдываясь, сказал:

— Это от моих друзей из Грузии. Доля от торговли мандаринами.

В его глазах была какая-то загнанная покорность.

Виктор достал бутылку коньяка и предложил по старинке вместе выпить. Полковник вежливо отказался.

«Да, былой дружбе пришел конец, теперь я на другой стороне баррикад», — понял Виктор.

В любом случае надо было что-то делать. К этому времени строительство в стране прекратилось вообще. Цементный завод почти полностью остановился. Большая часть населения города осталась без работы.

Виктор сам поехал к Вагину.

— Ситуация в городе критическая, мы скоро получим голодные бунты. Первым делом начнут бить кооператоров и грабить кооперативы. Я предлагаю временно оставлять все деньги «за крышу» в городе и на них создавать новые рабочие места. Через год я удвою количество кооперативов, а значит, и ваши доходы, — твердо, глядя прямо в стеклянные глаза, сказал Виктор.

Вагин, как всегда, во время встречи не проронил ни слова. Виктор так и ушел ни с чем, но через несколько дней в Белоснежинск приехал все тот же очкарик с портфелем. Вдвоем с Виктором они составили новую экономическую модель взаимоотношений. Кооператоры теперь должны платить «за крышу» не десять, а целых двадцать процентов от оборота, но они вправе сами потратить эти деньги на развитие или открытие новых направлений своей деятельности. Если они не справлялись, деньги передавались другим предпринимателям. У Виктора появился экономический отдел, который жестко контролировал обороты и расходы кооперативов. Каждую пятницу специальная комиссия рассматривала новые предложения. Отныне Виктор часто вместо денег передавал в Свердловск отчеты окупаемости оборудования.

Вскоре в городе появились несколько швейных кооперативов, мебельный цех и даже маленькая птицефабрика. Как это ни странно, бандитские деньги стали работать на благо.

Корнев за каждым кооперативом закрепил несколько улиц для обеспечения чистоты и благоустройства. Учитывая то, что цементный завод почти полностью остановился и перестал засыпать город пылью, улицы стали заметно чище. Виктор полностью сменил охрану рынка, убрав всех бывших уголовников. Теперь в охране работали только афганцы. Обиженные синие пытались бунтовать и грозили Виктору расправой. Ему пришлось удвоить свою охрану. Вообще, новая должность давалась Корневу очень тяжело. Смотрящему постоянно приходилось участвовать в разборках, стрелках и базарах. Но что делать, вся страна жила по понятиям, а не по законам...

Были, правда, и забавные истории в его работе. Однажды в его офис буквально ворвалась престарелая бабулька вместе со смешной, стриженной почти налысо козой. Охрана не пропускала ее. Но бабулька так громко кричала и топала ногами, что вышедший на шум Виктор сам разрешил ей пройти.

— Сволочь! Гад проклятый! Пьянь сизая! — громко причитала бабка.

— Да толком объясни, что случилось? — пытался понять Виктор.

— Да дед мой, поганец, козу мою любимую Машку налысо постриг! Шерсть всю за бутылку самогона продал. На дворе, почитай, скоро зима, а коза лысая. Замерзнет ведь тварь божья. Я ее в дом взяла жить. А она пердит, подлая, и срет по углам, — причитала бабка.

— А от меня-то ты что хочешь? — давился от смеха вместе с охранниками Виктор.

— Так ты же власть в городе. А Машка тоже житель, почитай. Ты ей теплый сарай обеспечь, а деда моего накажи примерно, чтоб другим неповадно было.

Охрана покатывалась с хохоту, лысая коза дрожала и пердела от страха, Виктор вдруг поймал себя на мысли, что он впервые за несколько последних лет так искренне смеется.

— Сарая теплого у меня лишнего нет, но что-нибудь придумаем, — наконец сказал он.

Уже через несколько минут целая бригада портных снимала с Машки мерку и уважительно спрашивала у бабульки, какую модель ее коза предпочитает. Через два часа коза Машка, одетая в сшитую для нее модную дубленку, перевязанная розовой шелковой ленточкой, с колокольчиком на шее, форсила по рынку под радостный хохот его обитателей. Коза стала всеобщей любимицей. Ее кормили, согревали и баловали. Особенно она любила табак и сигареты, которыми ее угощали доброхоты, — пожирала десятками под громкие аплодисменты зрителей.

В один из приемных дней в офис к Виктору пришел интеллигентного вида средних лет мужчина с огромным сизым с красными прожилками носом, явно говорящим о пристрастии его хозяина к горячительным напиткам. Посетитель поставил на стол перед комиссией бутылку с красивой этикеткой, сам открыл ее и разлил содержимое по стаканам. Затем он развесил по стенам офиса листы ватмана с разноцветными схемами и рисунками.

— Я — химик по образованию, кандидат технических наук, преподаватель Свердловского политехнического института. В то же время я — алкоголик с очень большим стажем, — гордо заявил он. — Я занимаюсь самогонварением много лет и знаю про это дело все. Обратите внимание, вот на этой схеме линия по производству высококачественного самогона двойной очистки, а на вот этой схеме линия по производству цемента на вашем цементном заводе.

На большом листе ватмана действительно рядом были нарисованы две очень похожие схемы. Причем схема производства цемента изображалась скучным серым цветом, а схема производства самогона разрисована в ярких тонах, и рядом с оборудованием улыбались смешные человечки с веселыми лицами и красными носами.

Химик-алкоголик отхлебнул из стакана, смешно повел сизым носом и продолжал:

— Путем незначительной реконструкции при минимальном вложении средств я готов наладить на цементном заводе выпуск высококачественного самогона вместо никому не нужного сегодня цемента. Перестроив только одну из шести имеющихся на заводе линий, я гарантирую выпуск сорока тонн продукта в день.

Посетитель поправил роговые очки, снова отхлебнул из стакана своего напитка, опять смешно повел своим огромным сизым носом, взял в руки длинную деревянную указку и с серьезным видом поставленным преподавательским голосом продолжал:

— Вот в этих емкостях будет готовиться брага. При постоянном перемешивании и подогреве срок брожения составит не более восьми часов. Я неоднократно таким способом готовил бражку дома в стиральной машине и гарантирую результат. Далее вот по этим трубам бражка поступает вот в эти колонны, где и будет производиться перегонка. Готовый продукт под давлением пропускается через заранее отожженный вот в этих печах березовый древесный уголь. Точно таким же образом проводится очистка высококачественного дорогого виски в Шотландии. Я провел множество экспериментов и знаю все тонкости этого способа очистки. Цвет и оригинальный вкус напитку придает стружка из корня все той же березы, через которую и прогоняется на выходе готовый продукт.

А теперь прошу уважаемую комиссию провести дегустацию предлагаемого к производству напитка.

Ошарашенный Виктор вместе со своими экономистами от удивления не мог вымолвить ни слова. Нынешнему правителю страны Михаилу Горбачеву, с его антиалкогольной политикой, и в страшном сне не могло присниться, что в СССР на цементных заводах вместо цемента начнут производить самогон.

— Розлив готового продукта будет проводиться на месте в трехлитровые банки. У меня уже готова и этикетка, — продолжал заслуженный самогонщик. На стене действительно висел лист ватмана, на котором большими буквами было написано: «Оригинальный алкогольный напиток «Корень счастья».

— Я знаю, что ваша фамилия Корнев, я готов продать вам авторство и рецепт, вы даже сможете разместить на этикетке свою фотографию, — закончил химик-самогонщик и опять смешно повел своим уникальным носом.

Экономисты и охранники буквально согнулись от смеха. Сам Виктор, стараясь сохранить серьезный вид, спросил:

— А с директором цементного завода вы разговаривали?

— Конечно. Он сегодня здесь, сейчас в приемной ждет.

Директор цементного завода, после разборок с уралмашевскими бандитами, когда его тоже едва не грохнули, очень уважительно относился к Корневу, считая его спасителем и освободителем.

— Но это же невозможно, Виктор Николаевич! Вы же представляете, что будет в министерстве, если они узнают, что я линию производства цемента переоборудовал в самогонную. Тем более, что у нас в стране, сами знаете, антиалкогольная кампания.

— Знаю и представляю! — засмеялся Виктор. — А что рабочие завода?

— А что рабочие? Рабочие, конечно, за! Они даже митинг устроили: «Даешь «Корень счастья»! Готовы сами бесплатно реконструкцию произвести и потом часть зарплаты этим самым «корнем» и брать. Но меня же сразу уволят! Да, и самое главное, ведь в этих емкостях цемент был, его теперь вовек не вымыть. Представляете, какой напиток будет с цементной добавкой и какие, извините, цементные запоры потом в организме произойти могут, — жалобно продолжал директор.

Высокая комиссия давилась от смеха, химик-алкоголик призывно водил сизым носом, предлагая всем попробовать свой уникальный продукт.

— Я не знаю, чего вы здесь решите, — вдруг вступил в разговор один из охранников офиса, но у меня друг недавно с женой разругался и с горя денатураата хлебнул. Вторую неделю в реанимации лежит. Я вот уже второй стакан допиваю и скажу вам — очень нужный для народа продукт!

Виктор тоже отпил из поданного стакана. Самогон действительно был хорош!

Ароматный терпкий напиток не шел ни в какое сравнение с выпускаемой промышленностью водкой, которая, кстати, была жутким дефицитом и продавалась спекулянтами по заоблачным ценам.

— Значит, так, — наконец, принял решение Виктор. — Насколько я знаю, на цементном заводе до перестройки хотели новую линию вводить. Часть оборудования завезли, ангар построили. Вот этот ангар пусть завод новому кооперативу в аренду и передаст. А что там кооператив производить будет, докладывать он никому не обязан. Часть оборудования у вас на складе есть. То, чего не хватит, мы достанем. Мне сегодня за дефицитную

бронзу любой завод что угодно отдаст. Короче, вперед! Только продавать все будете по талонам жителям города по фиксированным ценам. Хватит народу пить всякую гадость, вся больница города забита отравившимися мужиками.

— А как же безалкогольная кампания? — попытался ухватиться за последнюю соломинку директор цементного завода.

— У них в Москве своя кампания, а у нас — своя, «Олег Вагин и Ко» называется, — отрезал Виктор.

Через месяц новый кооператив выдал первый продукт. Свою фотографию печатать на этикетках Виктор, конечно, запретил и название изменил на «Березовый корень», но технологию очистки сохранили, и напиток, надо сказать, получался отменный. Половину продукта забирали центровые «за крышу», разливали на ликероводочном заводе, клеили красивые этикетки и продавали под видом шотландского виски. Вторую половину по талонам продавали в Белоснежинске. Алкогольные отравления в городе прекратились.

Вечерами в офис к Виктору стал частенько наведываться тот самый майор КГБ. Начальство про него, похоже, забыло и ни званий, ни денег не добавляло, поэтому на достойную жизнь «защитнику Родины» не хватало. Комитетчик решил, что недостающую часть он вправе брать натурой, а именно — спиртными напитками. Так как в офисе у Виктора в последнее время не переводился «Березовый корень», то место майор выбрал себе правильное.

Как ни странно, комитетчик оказался очень даже порядочным человеком, живущим по совести. Когда-то он пошел по стопам отца и поступил в высшую школу КГБ,

больше по настоянию родителей, чем по убеждениям. Но отец дослужился в комитете только до подполковника, хватанул обширный инфаркт и скоропостижно умер. Сергей Мочалов, именно так звали комитетчика, остался без поддержки, допустил где-то нелицеприятные суждения по поводу тогдашних правителей СССР и был сослан в никому не интересный Белоснежинск. Шпионов здесь не было и в помине, врагов народа тоже.

От тоски и безделья Мочалов начал сильно выпивать, о чем, конечно, стало известно его руководству. Теперь о переводе в Свердловск он мог только мечтать. Михаила Горбачева комитетчик не уважал, бандитов ненавидел и все время говорил, что этот бардак в великой державе скоро закончится, «придут наши, и мы их всех в три дня передавим, как клопов».

К Корневу комитетчик относился хорошо, по-доброму. Понимал, что при нем и завод заработал, и город лучше стал, но при этом в пьяном виде всегда говорил:

— Мы с тобой оба смотрящие, я от власти прошлой, ты от власти нынешней. Хоть я тебя понимаю, уважаю и даже где-то иногда люблю, но, когда наши придут, я тебя первым посажу.

— За что? — спрашивал Корнев.

— А просто работа у меня такая. Но ты не переживай, я тебе камеру сам подберу. С видом на море не обещаю, но теплую, и сам лично передачи носить буду.

Как-то засиделись они вдвоем допоздна и надрались особенно сильно. Мочалова качало из стороны в сторону. Виктор тоже еле стоял на ногах. Приятели вышли из офиса, поддерживая друг друга. На лестнице при выходе из офиса двухметровый увалень Мочалов оступился, завалился на Корнева и в буквальном смысле подмял его под себя. В ту же секунду из темноты раздался выстрел, потом еще и еще. Охранники офиса немедленно заняли

оборону и открыли ответный беспорядочный огонь. Корнева и Мочалова в буквальном смысле утащили обратно в офис.

Майор был легко ранен в плечо, На Викторе — ни одной царапины. Приятели просидели в офисе до утра, пока охрана не прочесала все улицы напротив. Найти нападавших, конечно, не удалось.

Мочалов несколько дней провалялся в больнице, Виктор каждый день навещал его и приносил лекарство в виде любимого напитка.

— Это синие-уголовники тебя извести хотят, — говорил Мочалов. — Ты их от кормушки отжал, воровать не даешь. Они тебя все равно достанут. Представь себе, «синяк» срок отмотал, из зоны вышел, а ни работы нет, ни денег, и в стране бардак. Ему и говорят, что вон тот фраер у нас все забрал. Стрельни его, и все будет: и бабки, и водка, и девочки.

После этого случая, Виктор удвоил личную охрану, но в глубине души он понимал, что от киллера не спасет ничего, и следующий раз не за горами.

Выйдя из больницы, Мочалов зашел к Виктору, махнул приличную дозу за здоровье и за счастливый случай и сказал:

— Я отчет о покушении на тебя начальству отправил, приукрасил, конечно, маленько. Так меня к новому званию представили. В Свердловск в управление переводят.

— Знаю я все. В городе легенды ходят про то, как ты меня спас. Вагину доложили, и он велел тебе премию выписать. Так что скоро я один здесь останусь. Грохнут меня без тебя, — горестно сказал Виктор.

Мочалов положил на стол перед Виктором толстую синюю папку.

— Здесь подробная информация аналитического отдела КГБ об экспортных возможностях уральских

заводов. Строго для служебного пользования. Ты мужик умный. Может, что и придумаешь, — сказал Мочалов.

Через несколько дней Виктор сам позвонил Вагину и попросил о встрече.

Развлекательный комплекс «Космос» уже полностью перешел под контроль центровых. В ресторанах гуляли братки. Вагин сам вообще не пил. В его кабинете все также не было ничего лишнего. Большой массивный стол и несколько стульев. Кроме того, в кабинете было очень холодно. Говорили, что сам Вагин не ощущает холода и низкую температуру держит специально, чтобы посетители чувствовали себя неудобно.

— Я работаю с вами уже почти три года, я много сделал, но я могу больше. Я знаю, как увеличить вашу валютную прибыль минимум в два раза. Он положил на стол перед лидером центровых папку с подробным анализом и расчетами.

Вагин не произнес ни слова, не задал ни одного вопроса. Его нечеловеческие стеклянные глаза неподвижно смотрели на Виктора Корнева.

Виктор встал и вышел из кабинета. Его никто не остановил.

Новый 1991 год Виктор Корнев встречал в просторной трехкомнатной квартире-новостройке в центре Свердловска. Ключи от нее вместе с приказом о назначении Корнева коммерческим директором вновь организованной фирмы привез ему качок примерно через две недели после его визита в холодный кабинет. Учредителем фирмы и настоящим владельцем квартиры был ближайший соратник Вагина — Николай Широков.

Вообще, в ОПГ «Центр» всем заправляли три человека. Михаил Кучин отвечал за силовой сектор. Под

ним ходили хорошо вооруженные бойцы, которые охраняли рынки, крышевали кооперативы и магазины, решали вопросы на стрелках, укрощали строптивых. В свободное время бойцы «таскали железо» в нескольких спортивных залах. Тренировали их спецназовцы из бывших афганцев. Сколько всего в структуре бойцов, не знал никто, но поговаривали, что несколько тысяч.

За экономику отвечал Николай Широков. Под ним были несколько фирм, работающих с заводами Урала. Главой всего был, конечно, сам Олег Вагин. Бывший боксер и катала, он обладал какой-то необыкновенной магической силой. Ему нельзя было говорить «нет». Святая троица, как называли их братки, решала все. Дисциплина была железной. Смертельные приговоры выносились и исполнялись без колебаний.

В новую фирму Виктор сам набрал работников. В основном это были молодые ребята: технари и экономисты. Отбирал лучших из лучших. На рублевую зарплату центровые не скупилась. Конечная цель — валюта любым путем. Ребята ездили по заводам вместе с бойцами и заключали договоры на поставку всего, что можно продать за бугор. Виктор оформлял документы, получал квоты, лицензии и заключал валютные контракты.

Примерно через месяц Широков сам передал ему синий заграничный дипломатический паспорт. Виктор стал выездным. С тех пор он начал часто бывать за границей, заключал контракты, открывал счета в Швейцарии и в оффшорах, создавал представительства. Валюта почти вся оседала на счетах за границей. Только незначительная часть возвращалась обратно в виде компьютеров и оргтехники.

Торговля компьютерами в то время давала фантастическую прибыль. В России на заводах фирма

скупала все, что можно было продать за валюту. Директора заводов иногда упирались, тогда в ход шли угрозы, шантаж, прямое насилие. Бойцам центровых часто приходилось сталкиваться с уралмашевскими. Отчаянные парни с окраины города объявили войну всем — ментам, синим, центровым и все упорнее тоже лезли на заводы. Сладкое слово «валюта» не давало спать бандитским лидерам.

— Мы теряем контракты, — пожаловался как-то Виктор Николаю Широкову. — Эту проблему надо решить.

Широков молча кивнул. Мол, мы и так в курсе.

Лидер уралмашевских Григорий Цыганов знал, что за ним охотятся. Около его подъезда круглые сутки дежурила охрана. Окна квартиры он всегда закрывал плотными шторами. В тот теплый июньский день, Цыганов решил не задерживать шторы, а просто не включать свет в квартире. В какой-то момент он открыл дверцу холодильника. Достать оттуда он ничего уже не успел. Выстрел раздался из окна соседнего дома. Лампочки подсветки холодильника хватило для работы снайпера. Ружейная пуля «блондо» 12 калибра попала в печень. Цыганов умер в карете «скорой помощи» по дороге в больницу. Ему едва исполнился 31 год. На могиле Константин Цыганов поклялся отомстить за брата.

Олег Вагин рассчитывал, что со смертью лидера уралмашевская группировка сама распадется, но на этот раз он жестоко ошибся.

Одной из первых заграничных поездок Виктора стал Лондон. Цель — напрямую выйти на торговлю цветными металлами через Лондонскую биржу цветных металлов, минуя посредников. Задача сложная, новичков на биржу

не допускали. В ее решении за особое вознаграждение взялся помочь старый маклер — еврей из эмигрантов Лазарь Моисеевич Шпильман. Шпильман давно отирался на Лондонской бирже, работал со многими советскими внешнеторговыми фирмами.

— Викто-о-ор, — говорил маклер, специально растягивая имя и ставя ударение на последнем слоге, — вы зря стараетесь. Дайте мне всего два процента от суммы контракта, и я все решу в лучшем виде. Причем один процент будет ваш и один мой.

Корнев неизменно отказывался, вспоминая, что бывает с теми, кто пытался скрыть деньги от Вагина. Конечно, его зарплата не шла ни в какое сравнение с объемами валютной выручки по контрактам, тем более что ее платили быстро обесценивающимися при инфляции рублями, но он надеялся в будущем получать официальные валютные выплаты. Время шло. Виктор беспрерывно мотался по командировкам, личные валютные счета лидеров центровых пухли, Виктор же получал только скудные командировочные. О какой-либо валютной зарплате Широков и слушать не хотел.

События в России 19 августа 1991 года застали Корнева в Лондоне. Он сидел в небольшом кабинете Лазаря, пил виски и смотрел по телевизору прямую трансляцию Би-Би-Си о событиях на родине. По улицам Москвы ползли танки. Небольшие кучки демонстрантов пытались остановить военных. Казалось, что у Ельцина нет никаких шансов.

«Я тебя первым посажу, когда наши придут», — вспомнил он слова Мочалова.

— Я вам говорил, я вам всегда говорил, что у этой страны нет будущего, — противно картавил над ухом

Лазарь Соломонович. — Если бы вы меня слушались, вы бы были уже богатым человеком. Купили бы себе квартиру в Лондоне или домик в Испании, как многие ваши соотечественники, и делали дальше спокойно свой бизнес, но уже на Западе.

— Я согласен, — неожиданно для себя сказал Корнев, — давайте ваш договор.

— Давно бы так, — обрадовался Лазарь, — вы ведь знаете, — у меня, как в могиле, никто никогда ничего не узнает.

«Зря он вспомнил о могиле», — подумал Виктор, но договор подписал. Теперь на его личный валютный счет в оффшорном банке на Кипре будет идти один процент от всех сделок.

«Всего один процент, — успокаивал себя Виктор, — я ведь его заработал».

Через два дня путч в России бесславно провалился. Би-Би-Си вело прямую передачу с митинга, на котором выступал Ельцин. Толпа скандировала:

— Рос-си-я! Рос-си-я! Ель-цин!

Счастливый Борис Николаевич пошел в народ. Виктор Корнев, конечно, не знал, да и никогда не узнает, какую роль в его судьбе сыграют этот «ельцинский поход» и тот ловкий малый, который так горячо обнимался с Ельциным на глазах у всего мира. Ведь именно в этот момент магический ДОЛЛАР начал свое путешествие по бескрайней стране.

Советская империя развалилась, городу Свердловску вернули историческое имя Екатеринбург, быстро ставшее в просторечии Ёбургом. Но все эти политические и социальные перемены почти не влияли на работу внешнеторговой фирмы Корнева. Только теперь все, что

продавали на Лондонской бирже, приносило Виктору один процент. Его личный счет потихоньку рос.

Виктор понимал, что продолжаться долго это не может, поэтому поставил себе планку — один миллион долларов. Миллион казался огромной цифрой, достаточной на всю оставшуюся жизнь. К осени 1992 года желанная цифра была достигнута. Виктор кожей чувствовал, что тучи сгущаются над его головой. В начале октября неожиданно перестал отвечать на звонки Лазарь Соломонович.

— Неужели вагинские проверяющие побывали в Лондоне, и прижатый к стенке Лазарь сдал меня с потрохами? Если это так, то мне уже вынесен смертный приговор, осталось привести его в исполнение, — думал Виктор. — Но они не должны убить меня сейчас, ведь тогда они не получают денег с моего счета. А значит, еще есть время, — успокаивал он себя.

Бежать! Бежать к чертям из этой страшной страны. Виктор давно уже сделал заграничные паспорта для жены и дочери, но его загранпаспорт хранился в сейфе Широкова и выдавался только перед поездками. Виктор решил, что следующая командировка станет последней. Назад он не вернется.

В тот день Виктор проснулся поздно. Голова раскалывалась после вчерашнего банкета в ресторане. В последнее время Широков частенько устраивал пьянки по поводу и без повода. В конце вечера в зале всегда появлялись девочки. Они устраивали откровенный стриптиз, а потом залезали на колени к подвыпившим браткам и разводили их на выпивку и откровенные разговоры. К услугам всегда наготове номера с широченными кроватями-аэродромами.

Виктор прекрасно знал, что утром путаны докладывали каждое произнесенное пьяным партнером слово начальнику службы безопасности центровых. Многие

новички попадались на эту удочку. Одно лишнее слово могло стоить карьеры и даже жизни. Виктор гулял со всеми, пил крайне умеренно, развлекался с девочками, но всегда держал язык за зубами. Вчера на банкете одна из них под села к Виктору и как-то слишком навязчиво расспрашивала о Лондоне. Виктор почти не пил, но в какой-то момент вдруг потерял контроль над собой. Очнулся он в постели с этой самой девчонкой и совершенно не помнил, что с ним было и что он говорил. Похоже, в его бокал что-то подмешали. Виктор с трудом вернулся в зал. Банкет подходил к концу. Неожиданно Широков подозвал Виктора, достал из кармана пачку долларов, вытащил из нее купюру в один доллар и, смеясь, протянул его Корневу:

— Ты все просил зарплату в валюте. Получи аванс и ни в чем себе не отказывай.

Под хохот братков Виктор взял протянутую купюру, сложил ее и сунул во внутренний карман пиджака. Это был прилюдный плевок в лицо. Широков любил унижать своих подчиненных.

Виктор по-прежнему получал в фирме зарплату рублями. В последнее время в стране бушевала гиперинфляция. Рубли стремительно обесценивались. Виктор уже несколько раз говорил Широкову, что если его фирма зарабатывает валюту, то и зарплата должна быть валютной, но фантастически жадный Широков пропускал его слова мимо ушей. Широков вообще не любил и не ценил технических специалистов. По его мнению, все решала сила. Своей охране и браткам он платил намного больше, чем производственникам.

— Пей, Витя, — сказал Широков, наливая полный бокал коньяка. В эти минуты Виктор ненавидел Широкова. Он едва сдерживал себя, чтобы не выплеснуть коньяк в эту наглую, опухшую от пьянства рожу. Но он понимал, что

тогда это будут последние минуты его жизни. Виктор залпом выпил коньяк. Мир перевернулся, в глазах потемнело.

«Опять что-то подмешал, гад», — подумал он и потерял сознание.

Очнулся он в номере все той же гостиницы центральных. Он так и спал в костюме, одетым. Только в углу номера валялось брошенное кем-то его пальто.

В дверях стоял качок.

— Поехали, — как всегда, не здороваясь, коротко сказал он.

«Неужели все?» — обреченно подумал Виктор и молча, не надевая пальто, прошел в большую черную машину «качка». Машина направилась в центр города.

«Значит, едем на квартиру к Вагину, а это действительно все, — понял Виктор. — Но как же мой счет? Неужели они согласны потерять эти деньги?»

И тут он вспомнил, как кто-то говорил ему, что у Вагина есть свой нотариус, и тот задним числом подписывал любые доверенности. Подделать подпись Корнева не составит особого труда, тем более что этого уже никто и никогда не оспорит...

Вот и все. Цепочка связалась. Руки дрожали. На лбу выступил холодный пот. То, что будет дальше, он знал по рассказам. Приговоренного Вагин сажал к себе в машину на переднее сиденье. Сам он всегда садился с телохранителями сзади. В какой-то момент один из телохранителей накидывал на шею обреченного тонкий металлический трос-удавку. Вагин любил смотреть, как хрипит и задыхается жертва. Потом труп отвозили на стройку и в буквальном смысле закатывали в бетон. Пропавшего никто не искал. Все знали, что это бесполезно.

Не страх. А какая-то безнадежная черная тоска навалилась, прижала, сковала все тело.

«Не надо никаких денег, никакой границы. Я хочу обратно в Белоснежинск, в свою маленькую «двушку», на свою прежнюю работу или на любую другую, но без бандитов! Господи, я не хочу умирать! Я хочу жить! Просто жить!» — кричал его мозг.

Он с ужасом понимал, что прошлого не вернуть, история не имеет сослагательного наклонения, и его желанию не суждено осуществиться, но он не знал одного...

На вчерашнем банкете Широков, смеясь, отдал ему тот самый магический ДОЛЛАР. ДОЛЛАР принял сильное и четко сформулированное желание Корнева, на несколько секунд засветился серебристым светом и начал его исполнение. Виктор на мгновение увидел этот серебристый свет, но после вчерашней пьянки принял его за галлюцинацию.

В ту же минуту раздался хлопок, и машину повело в сторону.

— Колесо пробило, — сказал водитель, — менять будем.

— Давай живее, мы опаздываем, — недовольно рявкнул качок.

Водитель торопливо достал запасное колесо и с удивлением на него смотрел.

— Тоже спущено. Я утром проверял — целое было.

— Убью! — зашипел качок. — Ты же, сука, знаешь, как не любит Вагин, когда опаздывают.

Качок выскочил на дорогу и поднял руку. Машины, не останавливаясь, объезжали странную фигуру. Прошло минут десять, которые казались Виктору вечностью. В голове у него стучало только одно: «Жить! Жить! Жить!». Наконец какая-то потрёпанная «Волга» с шашечками на

дверцах притормозила. Качок выдернул из своей машины оцепеневшего Корнева, почти силой засунул его в такси и назвал водителю адрес.

Олег Вагин недавно купил роскошную квартиру в элитном доме, в котором жил сам губернатор Свердловской области. Построенный в виде квадрата дом имел большой двор с двумя арками. Таксист въехал во двор через одну из арок как раз в тот момент, когда Вагин с телохранителями уже вышел из подъезда. Водитель уважительно остановился в стороне, метрах в двадцати от большого бронированного «Мерседеса» Вагина. Двор был совершенно пустой, только в противоположном конце одиноко стоял давно припаркованный грязный грузовой «Москвич-каблук», со спущенным колесом и без водителя.

— Иди. Тебя ждут, — сказал «качок», открывая дверь такси. Виктор вышел из машины и обреченно потащился к вагинскому «Мерседесу». Ватные ноги с трудом передвигались. Виктор машинально шел к своей смерти, как кролик к удаву...

То, что произошло потом, осталось в памяти Виктора яркой картинкой на всю жизнь. В пустом «Москвиче» неожиданно распахнулись двери грузового отсека, из него выскочили три человека с автоматами. Телохранители Вагина попытались выхватить оружие. Но не успели. Автоматными очередями киллеры практически изрешетили всех четверых. После этого они хладнокровно добились лежащих выстрелами в голову.

Один из автоматчиков обернулся и увидел Виктора. Он поднял автомат. Смерть смотрела в лицо страшным черным дулом. Казалось, само время замедлило движение. Все чувства невероятно обострились. Виктор с десяти метров отчетливо видел, как киллер нажал на

спусковой крючок. Он даже услышал щелчок затвора. Выстрела не последовало.

«Патроны кончились!» — молнией пронеслось в голове у Виктора.

В ту же секунду во двор на полной скорости въехал «жигуленок». Киллер бросил на землю бесполезный автомат. Все трое убийц прыгнули в подъехавшую машину. Автомобиль рванул с места и исчез. Все произошло настолько быстро, что Виктор просто не успел понять весь ужас происходящего. Перед ним в лужах крови лежали четыре трупа в дорогих костюмах. Среди них и Вагин, тот самый Вагин, со страшными стеклянными глазами... В себя его привел крик качка:

— В машину! В машину, дурак!

Виктор в два прыжка вернулся и влетел в такси, судорожно захлопывая дверь.

— Рви отсюда! — заорал качок и кулаком треснул по спине водителя. Пришедший в себя таксист дрожащими руками завел двигатель, ухватился за руль и нажал на газ.

Машина с места рванула и на полной скорости вылетела через арку. Ей навстречу уже бежали охранники. Где-то рядом завывала милицейская сирена.

— Гони! — страшным голосом орал качок.

Водителя уговаривать и не требовалось. Старенькая «Волга» на полной скорости неслась по улицам города, обгоняя другие машины.

— Стой, — неожиданно скомандовал качок. Он выскочил из машины и исчез в толпе прохожих.

— Домой, — сказал пришедший в себя Виктор и назвал адрес.

У дома он щедро расплатился с водителем.

— Ты ничего не видел и ничего не знаешь, — сказал Виктор.

— Понятное дело, — кивнул водитель. Руки его все еще дрожали.

«Бежать! Бежать! Им пока не до меня. Разборки, менты, дележка власти. Про меня вспомнят только через несколько дней. Я должен успеть», — думал Корнев.

Дома он набрал телефона Мочалова.

— Ничего не говори по телефону. Я все уже знаю, будь дома, я скоро приеду, — сказал Сергей.

Полковник приехал только часа через два.

Мочалов внимательно выслушал сбивчивый рассказ Виктора.

— Я только что с места убийства, — сказал он. — Представляешь, киллеры три дня сидели в грузовом отсеке этого «Москвича». Сидели тихо, как мыши. Все эти три дня Вагин подгонял свой бронированный «Мерседес» прямо к дверям подъезда и в одну секунду нырял в машину. А сегодня он задержался во дворе у автомобиля, и киллеры смогли выполнить свою работу. Теперь мне понятно, что это ты задержал его. То есть ты, волей или неволей, дал возможность киллерам убить Вагина. Центровые тебе это не простят. После этого они тебя точно убьют. Тебе надо немедленно бежать вместе с семьей, и лучше за границу.

«И так убили бы», — подумал Виктор, а вслух тихо сказал: — Это я понимаю, но мой заграничный паспорт в сейфе у Широкова. Без него меня не выпустят из страны.

— Эту проблему мы решим. Срочно собирайте вещи. Берите только самое необходимое.

Уже через тридцать минут Виктор с женой и дочерью сидели в служебной машине Мочалова.

— В городе объявлен план «Перехват», — сказал Мочалов. — Охранники в доме губера тебя наверняка срисовали. Значит, в аэропорт и на вокзал нельзя, там уже дежурят менты. Буду вывозить вас через Челябинск.

На выезде из города все машины останавливал патруль. Гаишники с автоматами тщательно проверяли документы. Увидев удостоверение полковника органов безопасности, гаишник отдал честь и без слов пропустил машину.

— В Москве позвонишь моему другу. Вот телефон. Он поможет тебе быстро сделать новый загранпаспорт. Сначала лети в любую безвизовую страну, а там видно будет.

— Странно все-таки, почему и тебя там не убили, им ведь свидетели не нужны? — вдруг сказал Мочалов.

— Патроны кончились, — ответил Виктор.

— Считаю, что ты заново родился, — подвел итог подполковник.

«Это точно, — подумал Виктор. — В один день дважды от смерти ушел. Если бы не киллеры, вагинцы в машине бы удавили. Да... повезло. Кто-то там наверху за меня молится».

Он и представить себе не мог, как недалеко он ушел от истины.

Жена Виктора на заднем сиденье с ужасом слушала разговор двух мужчин. Она, конечно, догадывалась об истинной работе мужа. Но что все это настолько страшно и серьезно, она поняла только сейчас.

Два американских спутника-шпиона четко зафиксировали поток F-лучей от ДОЛЛАРА. За несколько дней до этого ДОЛЛАР проявил себя на территории завода «Уралхиммаш». Фишман с командой «Дельта» срочно вылетел в Екатеринбург.

В это время полковник как раз сидел в кабинете директора завода. Разговор подходил к концу. Несмотря на категоричные возражения директора, Майкл уже

решил, что без серьезной воинской операции здесь не обойтись. Придется оцеплять завод и устраивать повальный обыск. И вдруг у него зазвонил спутниковый телефон. Беспристрастный голос дежурного оператора НАСА из далекой Америки продиктовал координаты.

— Где это? — спросил Майкл.

— Центр Екатеринбурга, улица Малышева. Во время приёма сигнал двигался, — ответил оператор.

— ДОЛЛАР в машине! Час от часу не легче. Столько времени молчал, а теперь вот разыгрался! Как теперь его ловить?

Менее чем через час он уже сидел в кабинете генерала ФСБ города.

— Если честно, не до тебя сейчас, — говорил генерал. — Только что убит лидер центровых Олег Вагин. Весь город на ушах стоит. Ты посиди пока здесь. Я на место убийства сгоняю. Говорят, там куча трупов и море крови.

Михаил Фишман пил чай в кабинете местного генерала ФСБ и размышлял, что же делать.

Его аналитический ум подсказывал ему, что громкое убийство лидера центровых Вагина как-то связано с полученным сигналом. То, что сигнал от спутника поступил за несколько минут до убийства и как раз из зоны разборок, не могло быть случайностью.

— Как по вашему мнению, кто очень хотел смерти Вагина? — спросил Фишман у вернувшегося с места убийства генерала.

— Да кто угодно, — ответил генерал, не задумываясь, — Вагина ненавидели все — и свои, и чужие. Но скорее всего, это убийство заказал Константин Цыганов — лидер уралмашевской ОПГ.

«Если ДОЛЛАР в руках одного из бандитов, то последствия даже подумать страшно. Отмороженный бандит становится президентом России, и в его руках

ядерная кнопка. Вот он, ужасный конец для всего мира!» — понимал Майкл.

— Надо арестовать лидеров всех группировок, провести обыски в квартирах и офисах. Допросы буду проводить лично я, — принял решение Фишман.

— Вы с ума сошли! Вы не представляете, как это сложно. Это же целая мафия. Ни один судья в городе не подпишет ордера на арест бандитских лидеров. Все их боятся. Эти отморозки способны на все, — грустно сказал генерал.

Фишман раскрыл свою папку и положил на стол перед генералом пачку ордеров на аресты и обыски с подписью и печатью Председателя Верховного суда России.

— Вписывайте фамилии, и вперед, у меня три десятка элитных бойцов. Они не боятся ни черта, ни дьявола, а тем более, ваших бандюков, — сказал Фишман. — Надеюсь, у вас в городе не все конченные трусы. Мне надо еще человек пятьдесят. Здесь найдете, или мне из Москвы их вызвать?

Генерал с восхищением посмотрел на этого странного полковника, говорящего с едва заметным иностранным акцентом.

Уже на следующий день была проведена спецоперация. Охрана в Доме культуры «Уралмашзавода», где размещался бункер Цыганова, пыталась оказать сопротивление, но против бойцов «Дельты» у них не было никаких шансов. Бронированные двери в офис уралмашевской группировки пришлось взрывать динамитом. Одновременно бойцы «Альфы» ворвались в ресторанный комплекс «Космос», где окопались центровые. Операцией командовал подполковник ФСБ Мочалов.

— Вот и пришло наше время, — сказал Мочалов, надевая наручники на Широкова.

— Это мы еще посмотрим, — зло ответил Широков.

За два следующих дня в городе провели несколько десятков обысков и арестов.

Михаил Фишман почти не спал. В специально отведенный для него кабинет все носили и носили пачки изъятых долларов. В подавляющем большинстве это были сотки. Мелочи почти не встречалось.

— И зачем Ельцину кредиты от МВФ? — думал Фишман. — Надо просто потряхнуть бандитов по всей стране, не один миллиард баксов наберется.

Бандюки на допросах вели себя нагло, они ничего не боялись и даже угрожали всем участникам операции скорой расправой.

Никаких следов ДОЛЛАРА! Фишман вместе со своей командой ни с чем улетел в Москву.

На следующий день ночью в здании местного РОВД раздался взрыв. По зданию стреляли из гранатомета. Только чудом никто не пострадал. Это была месть и демонстрация силы. Через некоторое время почти все арестованные были отпущены. Возбужденные уголовные дела прекратили за недостаточностью улик. Власть в очередной раз показала свою слабость. Время бандитов еще не закончилось. Самое интересное, что для многих выпущенных на свободу тюрьма была самым безопасным местом и могла бы спасти им жизнь.

В Москве Виктор в ожидании паспорта снял номер в отеле «Националь». Зайдя как-то в бар отеля, он в кармане обнаружил купюру в один доллар. Виктор вспомнил тот вечер в ресторане «Космос» и язвительное ширококовское:

— Вот тебе доллар, и ни в чем себе не отказывай.

— Что у вас можно купить за один доллар? — спросил он бармена.

— Ну, разве что чашку кофе, — пожал плечами тот.

— Ну что ж, кофе мне и налейте, — сказал Виктор и протянул бармену купюру.

Он, конечно, не догадывался, что это был тот самый ДОЛЛАР, который спас ему жизнь. «Ночные бабочки», коротавшие время в баре в ожидании клиентуры, сначала с интересом посмотрели на потенциального клиента, но полное отсутствие интереса с его стороны и единственная чашка кофе на столике говорили о том, что этот мужчина не ищет сексуальных приключений. Девочки продолжили свое скучное ожидание вечернего наплыва клиентов.

Отправив жену с дочкой в Таиланд, Виктор сам улетел на Кипр, где у него был открыт счет, на который и поступали деньги из Лондона.

— Я хочу снять все деньги со счета наличными, — сказал он управляющему банка, к которому его направил операционист.

— Сегодня это невозможно, у вас слишком большая сумма. Надо заказать деньги. Это займет два-три дня.

— Я готов заплатить банку два процента за скорость и вам лично десять тысяч долларов, — сказал Виктор.

Лицо банкира сразу изменилось:

— Деньги будут через час.

— Хорошо, — согласился Виктор, — и забронируйте мне билет на сегодня в Париж. Я думаю, не стоит говорить, что все это строго конфиденциально.

— Конечно, что вы, у нас же серьезный банк, — лебезил банкир. — Вы пока можете выпить кофе в приемной.

Ровно через час банкир пригласил Виктора в кабинет. На столе перед ним ровными рядами лежали аккуратно упакованные пачки долларов. Виктор пересчитал пачки, протянул одну из них банкиру, расписался в ведомости и

сложил их в черный полиэтиленовый пакет. Пакет небрежно засунул в свою дорожную сумку.

— Вам забронирован билет на Париж, самолет через три часа. В аэропорт вас отвезет наша машина с охраной, — улыбнулся банкир.

— Спасибо, я и сам, если что, не промахнусь, — ответил Виктор и приоткрыл полу пиджака, показывая банкиру кобуру с пистолетом.

Управляющий кивнул и вежливо проводил клиента до выхода из банка. У подъезда их ожидал черный лимузин, на переднем сиденье рядом с водителем сидел охранник в фирменной одежде банка. Виктор сел на заднее сиденье, и лимузин мягко покотил по улицам города. Вскоре Корнев заметил, что за ним неотрывно следует небольшой белый джип.

«Слил, гаденыш! — подумал Виктор. — Да и чего можно было ожидать от этого оффшорного банка? Еще те ворюги. Интересно, бандюки в джипе местные или из России?»

«Впрочем, какая разница. Водитель и охранник, конечно, с ними в сговоре. В городе они не полезут, тем более, зная, что я вооружен. Будут ждать, когда машина выедет за город, на шоссе в аэропорт», — решил он.

— Остановите возле вон того кафе, я сигарет куплю, — попросил Виктор водителя.

Корнев зашел в маленькое кафе. Большую дорожную сумку он оставил на заднем сиденье лимузина, с собой взял только черный пакет с деньгами. У барной стойки он купил сигарет и заказал кофе с бутербродом. Краем глаза он видел, что охранник в лимузине так и остался в машине, зато один из бандюков вылез из джипа и лениво направился к кафе. Медлить было нельзя, да и не нужно.

Виктор отпил кофе и неторопливо направился в туалет. По дороге он неожиданно нырнул в открытую дверь кухни.

Быстро пробежав мимо удивленных кухонных рабочих, он выскочил на улицу через служебный вход на противоположную сторону здания и нырнул в припаркованную у входа маленькую «Тойоту».

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от вас, тупоголовые бандюки, и подавно уйду. И чему вас только в школе учили? — с улыбкой вслух сказал он, заворачивая за угол. В зеркале заднего вида «Тойоты» он с удовлетворением увидел выскочившего из дверей кафе растерянно озирающегося преследователя.

Менее чем через полчаса из порта Ларнаки отошла небольшая, но вполне комфортабельная морская яхта. «Тойоту» и яхту Виктор арендовал заранее, как заранее просчитал и свой побег через знакомое ему кафе.

Впереди была свобода. В сейфе каюты лежал целый миллион долларов.

Прошел год. Экзотические страны и бесконечные круизы быстро надоели, да и дочери надо было где-то учиться. В конце концов Виктор осел в Нью-Йорке. Многоязычный мегаполис привлек его вполне демократичным отношением к иностранцам и почти миллионной русскоязычной диаспорой.

Брайтон-Бич вообще за последние годы стал русским районом. Все вывески на русском, жители говорили по-русски с еврейско-одесским акцентом, только иногда вставляя английские слова. Здесь можно было прожить всю жизнь, вообще не зная английского. Но сам Брайтон не понравился Виктору. Грязный неуютный район. Над всей улицей на уровне третьего этажа, страшно гремя, пронеслись поезда надземной линии метро. Бедные одесситы! Это же надо было так хотеть сбежать из страны развитого социализма, чтобы сменить прекрасную любимую Одессу на этот грязный неуютный район Нью-Йорка!

«Жизнь на Брайтоне не для меня», — решил Виктор, и вскоре он арендовал небольшой уютный домик в дорогом, но престижном и спокойном районе города. Дочь пошла в русско-английскую школу. Жена занялась живописью.

Все было хорошо, кроме денег. Миллион для Нью-Йорка оказался совсем не такой уж и большой суммой и быстро таял. В Америке все стоило денег, и денег больших. Аренда домика, обучение дочери, коммунальные платежи, налоги. Даже за проезд на машине в тоннеле под Гудзоном безжалостный компьютер снимал со счета несколько баксов.

Деньги, деньги, деньги... В этой стране все бредили большими деньгами, но заработать их было крайне сложно. Бывшие советские кандидаты и доктора наук работали сантехниками или электриками. Их жены и дочери мыли полы в чужих домах или выносили горшки, ухаживая за стариками. Получить работу таксиста считалось большой удачей.

«Но ведь я, как-никак, специалист, инженер-металлург, да и оборотный капитал есть, а это значит, что пора открыть свою фирму», — решил Виктор.

По американским законам зарегистрировать фирму мог только гражданин США. У Виктора пока был только временный вид на жительство, за который он, кстати, заплатил местным жуликам немалую сумму. Быстро получить гражданство было просто невозможно, даже за большие деньги.

Русскоязычные газеты пестрили объявлениями с предложениями быстро зарегистрировать фирму для нуворишей из России. Перебрав с десятков кандидатур, Виктор наконец остановился на русском эмигранте из Ленинграда Романе Петрове. Уехав из Советского Союза лет десять назад, Роман уже получил полноценное гражданство, арендовал кабинет в одной из башен

Всемирного торгового центра на Манхэттене, а главное, поддерживал тесные отношения с Россией, проводя небольшие торговые операции. Подкупала и чисто русская фамилия — Петров.

«Это не Шпильман какой-нибудь», — думал Виктор.

Вот с ним он и создал новую фирму, где Петров был учредителем, а Корнев директором. Через несколько месяцев у них уже был небольшой контракт на поставку оборудования на Норильский никелевый комбинат. Виктор, как инженер-металлург, прекрасно понимал, что можно с выгодой продать комбинату, и сам отбирал оборудование на одном из американских заводов. Первая сделка принесла не очень большой доход. Вырученных денег едва хватило на оплату аренды и транспортные расходы.

Но комбинат четко и вовремя заплатил, и был готов к дальнейшей работе. Виктор заключил большой прямой контракт с комбинатом на поставку самого современного литейного оборудования. Корнев вкладывал в сделку почти все оставшиеся у него деньги. Недостающую часть партнеры брали в банке под гарантии того же комбината. Все шло нормально. Оборудование в Нью-Йорке погрузили в контейнеры и морем отправили в Норильск. Виктор лично проверял каждую деталь, каждый винтик. Убедившись, что грузовоз вышел в море, Корнев вылетел в Москву, а оттуда — в Норильск встречать оборудование. Петров остался в Нью-Йорке на хозяйстве.

Контейнеры должны прибыть в Норильск через три недели. Прошел месяц. Груз так и не прибыл. Виктор каждый день звонил в порт, требовал от них выяснить, где потерялось оборудование, но никто не мог внятно объяснить причину задержки. Кончалось короткое полярное лето, а с ним и навигация.

Оставались буквально считанные дни...

Виктор позвонил в Нью-Йорк Петрову. К его удивлению, к телефону подошла незнакомая девушка и сказала, что фирма прекратила аренду, и мистер Петров съехал в неизвестном направлении. Это было невероятно, ведь Виктор сам, как директор фирмы, перед отъездом подписал платежку за аренду офиса до конца года. Он позвонил в грузовой порт Нью-Йорка. С большим трудом ему удалось выяснить, что отправленные им контейнеры по указанию мистера Петрова возвращены обратно в Америку и все содержимое уже получено мистером Петровым и вывезено в неизвестном направлении.

До Корнева понемногу стало доходить, что партнер его просто кинул. Это был невероятный, страшный удар...

«На что он надеется? Я ведь все равно разыщу его, поймаю, заставлю вернуть все деньги и оторву голову», — думал Виктор.

В тот же день, извинившись перед руководством комбината за задержку, он вылетел в Москву.

У Виктора был временный вид на жительство в США, но срок визы истек, и для въезда в страну требовалось ее продлить. В Москве Виктор заехал в американское консульство. Офицер консульства набрал его фамилию на компьютере и четко по-русски сказал:

— Ваша виза аннулирована. Въезд в США вам запрещен.

— Но как? Почему? Я не нарушал никаких законов.

— На вас есть жалоба от гражданина США. Он обвиняет вас в уклонении от уплаты налогов и мошеннических действиях. Вы можете подать письменный запрос на имя консула. Мы выдадим вам ответ, с ним вы можете обратиться в суд, — закончил разговор офицер.

В Москве у Виктора жил друг студенческих лет. Вечером на кухне его двухкомнатной квартирki друзья

устроили разбор полетов. После первой бутылки водки, когда в Москве уже была ночь, а в Нью-Йорке еще только вечер, Виктор позвонил домой жене.

— Приезжай быстрее! Нас выселяют. Говорят, что мы уже три месяца не платим арендную плату, мне некуда идти, — плакала жена.

Вторая бутылка «Столичной» установила некоторую ясность в головах друзей.

Все очень просто. Виктор действительно сам перед отъездом, как директор фирмы, подписывал платежки об оплате аренды офиса, аренды дома и выплате налогов, и даже сам отвез их в банк. Но вот здесь и возникло это «но» ...

Заполнял платежные документы на своем компьютере Петров. Стоило допустить малейшую ошибку в платежках, например, изменить всего одну цифру в реквизитах получателя, и деньги через пару дней вернутся обратно. В это время Виктор уже будет в России и ни о чем не узнает. Петров снял со счета фирмы все деньги, дал команду вернуть обратно груз и накатап телегу в эмиграционную службу на Виктора Корнева, обвинив его во всех грехах.

— Сволочь! Гаденыш! На Урале ему бы башку сразу прострелили, — негодовал Виктор. А еще Петров — наш ведь парень, русский!

— Ну, во-первых, Америка — это тебе не Урал, да и теперь тебе в Америку уже, похоже, въезд закрыт навсегда. Да и фамилия Петров ни о чем не говорит, может, он раньше как раз был Шпильман или Рабинович и уже потом стал Петров, а сегодня вообще уже мистер Смит. В Америке это просто. А во-вторых, сам виноват. Основное правило бизнеса: если доверяешь кому-то свои деньги, думай, — может ли он тебя кинуть? А если может, то кинет наверняка, — поучительно говорил Корневу

студенческий друг, начинающий московский бизнесмен Саша.

— Кстати, об Урале, — продолжил он, разливая очередную порцию по стаканам. — Мне тут статейка в «Коммерсанте» попалась. Очень интересная статейка, я тебе скажу.

Друг принес на кухню газету. На первой странице Виктор увидел до боли знакомые фотографии и фамилии: Вагин, Широков, Кучин. Виктор мгновенно протрезвел. За границей он как-то забыл эти страшные имена. Теперь все события тех лет снова всплыли в памяти. Журналист в статье довольно подробно описывал историю бандитской войны между уралмашевскими и центровыми.

После расстрела Олега Вагина вместе с телохранителями лидер уралмашевских Константин Цыганов не успокоился. Созданная им команда профессиональных убийц планомерно отстреливала центровых. Понимая, что за ним охотятся, бывший начальник Виктора Николай Широков сбежал в Венгрию, где у центровых было представительство. Но это его не спасло. Для начала уралмашевские взорвали прямо в одном из венгерских аэропортов самолет ИЛ-62, принадлежащий Широкову, чем привели в ужас всю Венгрию. Затем, подкупив его любовницу, киллеры ворвались в его спальню в Будапеште и расстреляли из автоматов Широкова и двух его охранников. Следующей жертвой стал последний из святой троицы Михаил Кучин. Наемник подкараулил его возле дома и буквально раскрошил голову из автомата. В статье упоминались еще десятка два фамилий разных людей, знакомых Виктору и сложивших свои головы в этой бандитской войне. Были и фотографии дорогущих памятников, уже напечатанных даже английской «Гардиан». В общем, серьезная была статья...

Третья бутылка водки появилась на столе уже глубокой ночью.

— Вот смотри, — едва ворочая языком, подняв указательный палец, говорил своему другу Виктор, — Уралмашевский бандитский «папа» Гриша Цыганов прожил 31 год, Олега Вагина убили тоже в 31, Широков дожил до 36, Кучин до 39 лет, а мне уже 42, и я пока умирать не собираюсь! Давай за это выпьем!

Друзья обнимались и уже в который раз пили зачем-то на брудершафт.

— Я тебя, Витя, очень уважаю. Даже люблю... Но ты бандитом больше не работай, не надо, а то и тебя убьют... А нам тебя жалко будет, — размазывал пьяные слезы друг Саша.

Проснувшаяся жена Саши пыталась их уговорить, но эту жесткую мужскую пьянку остановить было невозможно.

— Ты представляешь, что меня спасло тогда, 26 октября два года назад, когда Вагина убили? Представляешь, обыкновенное колесо. Новое колесо у БМВ — и вдруг на выстрел! И запаска у водилы дырявая оказалась. Мы опоздали. Вагин уже вышел из дому, и тут уралмашевские его и порешили, иначе в тот день сам Вагин меня бы в бетон и закатал. Я, когда снова разбогатею, памятник поставлю колесу. Прямо во дворе того губернаторского дома и поставлю, — многозначительно говорил Виктор.

— Ты больше не богатей, Витя, не надо, ну их, эти деньги. От них одно зло. Ты на завод работать иди. Денег почти не платят, зато не стреляют, — уговаривал друга пьяненький Саша.

Проснулись они к обеду. Сашина жена ушла на работу, сын — в институт. Друзья накупили пива и продолжили задушевный разговор:

— Я вот что думаю, ведь из тех центровых, кто меня знал, никого в живых не осталось. А это значит, я могу домой вернуться. У меня ведь и квартирka в Белоснежинске есть, и специальность, — размышлял вслух Виктор. — Может, и правда на завод пойти работать, я ведь, как-никак, инженер-металлург.

— А возьмут? Ты ведь на бандитов работал, — засомневался Саша.

Виктор, недолго думая, набрал прямой номер директора завода «Вторцветмет».

К его удивлению, ответил тот человек, которого Виктор назначил директором вместо себя несколько лет назад.

— Витя! Живой! А мы тебя уже давно похоронили! — неподдельно обрадовался директор.

Виктор коротко изложил свою просьбу.

— Конечно, возьму. Я добро помню. Только вот должности для тебя пока подходящей нет. Заместителем начальника цеха пойдешь пока? А потом что-нибудь подберем. Кстати, у нас весной выборы мэра города. Тебя здесь многие хорошим словом вспоминают. Думаю, у тебя шансы есть, — продолжил директор.

— Хм, а это интересно... А как там бандиты? Я с ними больше работать точно не буду, — сказал Виктор.

— А нет уже больше прежних бандитов. Они теперь не стреляют. Кто выжил, — в костюмах и галстуках по кабинетам сидят. Во власть пошли и в большой бизнес. Все изменилось. Так что, приезжай, буду рад.

— Приеду. В понедельник жди, — решительно сказал Виктор.

— А ведь сегодня 26 октября, — вдруг подумал он, — ровно два года.

— Надо бы водки еще взять, у меня сегодня день рождения, — сообщил он другу.

— Так у тебя же, вроде, в августе.

— Это первое рождение, а сегодня второе, — сказал Виктор, доставая деньги.

Когда жена Саши пришла с работы, друзья уже всюду уважали и любили друг друга.

— Ты только не ругайся, Танюша, я завтра уеду. Мне в понедельник на работу, — сказал Виктор.

— Мы не просто так пьем, у Витьки сегодня день рождения, — оправдывался Саша.

— А я и не ругаюсь. Лишь бы не во вред, главное, здоровы бы были.

— И живы! — многозначительно добавил Виктор.

Ночью Виктор позвонил в Нью-Йорк

Жена, как ни странно, очень спокойно восприняла известие, о том, что американская жизнь закончилась, и ее ждет Белоснежинск:

— Ну что ж, Белоснежинск, так Белоснежинск. Главное, чтобы там больше не стреляли.

...В маленькой двухкомнатной квартире в Белоснежинске еще совсем не старый, но уже полностью седой, человек плеснул себе еще водки в стакан и одним глотком выпил. Всего четыре года прошло с тех пор, как он уехал отсюда в Свердловск, а казалось, что прошла целая жизнь.

Резкий телефонный звонок вернул Виктора Николаевича в действительность.

— Привет! С возвращением, — сказал из трубки знакомый голос.

— Как ты мне дозвонился? Ведь телефон уже три года отключен.

— Ты что, забыл, где я работаю?

— Ну да. Конечно. Извините, товарищ подполковник.

— Полковник, — мягко поправил его Мочалов.

— Уже полковник?

— Обижаешь, не уже, а пока еще полковник, но на генеральской должности.

— Извините, товарищ генерал-полковник.

— Ты там кончай острить и квасить в одиночку, тебе завтра на работу. И вообще, не расслабляйся, у тебя весной выборы. Ты теперь у нас — главный кандидат по Белоснежинску! — сказал веселым голосом Мочалов и положил трубку.

Виктор налил в стакан еще немного водки. Выпил и вдруг четко вспомнил тот момент два года назад, 26 октября 1992 года, когда в машине рядом с качком он ехал навстречу неизбежной смерти и хотел только одного: чтобы все это кончилось, а он бы оказался здесь, в этой квартирке, и снова работал на заводе. И как сильно он тогда хотел жить, просто жить!

«Мечты сбываются! Все-таки есть на свете Бог или судьба», — подумал он.

Виктор даже представить себе не мог, что именно спасло ему жизнь.

Через несколько месяцев жители Белоснежинска подавляющим большинством голосов выбрали своим мэром Корнева Виктора Николаевича. 13 марта, в понедельник, Корнев приступил к своим новым обязанностям. То, что это произошло 13 числа, осталось незамеченным. Виктор не верил в магию цифр. Правда, 26 октября он праздновал теперь каждый год. Ведь для него это был второй день рождения...

Ну а ДОЛЛАР, магический ДОЛЛАР с числами 13 на лицевой стороне купюры, который таким необыкновенным образом изменил его жизнь, продолжал свое путешествие по необъятной стране под названием Россия...